

Введение

Данная работа является составной частью исследования по русскому свободному консерватизму XIX в. «Остзейскую» тему оказалось возможным вычленить из основной работы в силу её достаточной самостоятельности. Она и предлагается сейчас вниманию читателя.

Несколько слов о предыстории, об обстоятельствах, подтолкнувших к изучению свободного консерватизма, представители которого изначально ощутили наличие внутророссийской «немецкой проблемы».

После окончания исторического факультета Куйбышевского (ныне Самарского) государственного университета в 1975 г. и начала самостоятельной исследовательской работы, вылившейся в написание политической и научной биографии правого эсера С.П. Швецова¹, обстоятельства подтолкнули к занятиям, связанным с изучением русского дореволюционного консерватизма. Возникшее, было, вначале желание возделывать «эсеровскую ниву» постепенно угасло. Сначала по независящим от меня обстоятельствам в 1986-1987 гг. не состоялась запланированная научная командировка за границу, в амстердамский Институт социальной истории, где отложился архив Центрального комитета партии социалистов-революционеров. Сказалось и влияние учителя, профессора Г.П. Жидкова, который вызвал мой интерес к славянофильству и почвенничеству.

В 80-е годы подспудно стали накапливаться впечатления от чтения многочисленных новых публикаций дореволюционных и эмигрантских авторов национально-консервативной ориентации – писателей, философов, историков. Московское издательство «Современник» стало издавать серию книг под рубрикой «Любителям российской словесности», в которой публиковались и научно комментировались работы классиков свободной консервативной мысли XIX в.: К.М. Карамзина, В.Ф. Одоевского, братьев К.С. и И.С. Аксаковых, И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, В.С. Соловьёва². В Уфе Башкирское книжное издательство опубликовало сборник стихотворений и других работ И.С. Аксакова³. «Последний из могикан» нашего Серебряного века А.Ф. Лосев сумел в 1983 г. в издательстве «Мысль» опубликовать биографию В.С. Соловьёва, которая чуть не была уничтожена Комитетом по печати. Ликвидация стотысячного тиража была заменена его «ссылкой» в отдаленные районы страны, откуда были налажены каналы доставки этого уникального по тем временам издания⁴. Усилиями Б.Ф. Егорова и Б.Н. Тарасова были опубликованы и по-новому прокомментированы труды Ап.А. Григорьева и П.Я. Чаадаева, что углубило наши пред-

ставления об особенностях русского консерватизма XIX в., как именно христоцентричного движения, которое, несмотря на различные оттенки, являлось в целом единым в его противостоянии как коронной бюрократии, никак не умевшей расстаться с западничеством, феодально-абсолютистским или либерально-космополитическим, так и усиливавшемуся катастрофически ордену безбожной радикальной интеллигенции⁵.

В эпоху Перестройки были «реабилитированы» неопубликовавшиеся в советское время (как и непопулярные среди массовой дореволюционной интеллигенции) «Записка о Древней и Новой России» Н.М. Карамзина, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя, знаменитые богословские работы А.С. Хомякова («Церковь одна»), стал публиковаться обширный корпус сочинений В.В. Розанова. Последовал настоящий вал публикаций трудов классиков религиозной мысли Серебряного века и русского Зарубежья. В мире отечественной мысли и культуры для советского читателя были, наконец, «обнаружены» её консервативный и либеральный «континенты», тесно между собою связанные. Наступление очередных переходных времён в политической сфере также способствовало перемене тематики исследовательской работы. До них стремление к осознанию правды отечественной истории проходило в рамках априорного признания истинности революционной цивилизационной парадигмы, что в моем случае тогдашнего мировоззренческого марксизма толкало на изучение «белых пятен» прогрессивной революционной истории России. Так родилась неонародническая эсеровская тема, заданная учителем, профессором Г.П. Жидковым. «Всё поменялось» во второй половине 80-х гг. Всё большее число историков и других гуманитариев в обстановке нового перестроечного кризиса стали отказываться от поисков упущенной советской альтернативы новому кризису (в широком диапазоне от «чистого» Ленина, Троцкого, Бухарина и т.д. до меньшевиков, эсеров и т.п. «гуманистов», «преданных» советской властью). Публиковавшиеся теперь в массовом количестве новые источники по интеллектуальной истории России, равно и их широкое обсуждение в культурной среде, – всё это заставляло искать упущенную отечественную историческую альтернативу в идеях и практиках российской правой, неведомой при «спецхрановском» советском прошлом, как и непонятой при жизни Старой России массой представителей дореволюционной радикальной интеллигенции.

Вот некоторые иллюстрации о «движущих силах», способствовавших смене «революционных вех» в подходах к изучению прошлого. «Литературная газета» завела тогда постоянную рубрику «Из истории русской философской мысли», где стали публиковаться первые в пореволюционной

истории страны биографические очерки и обзоры творческой деятельности виднейших представителей Серебряного века отечественной культуры, сопровождаемые портретами героев, созданные Ю. Селиверстовым⁶. Обратило на себя внимание то обстоятельство, что героями публикаций «Литгазеты» были мыслители консервативной ориентации, понимавшие Русскую идею как церковно-царскую, но очищенную от духа петровской подражательности, за что их не честили в своё время ни представители дореволюционных властей, ни «орден» либеральной интеллигенции, взявший курс на ликвидацию исторической России, ни победившая и укрепившаяся Советская власть. Авторы обращали внимание на искреннюю религиозность своих героев, которая, кстати говоря, отличала всех свободных консерваторов-самобытников от представителей чиновничьей «официальной России». Для большинства последних, как и для Вольтера, религия была фальшивым, но до поры до времени удобным механизмом, необходимым для функционирования вертикали власти. Так, А.В. Гулыга, характеризуя истоки возвращения Владимира Соловьёва к Христианству, обратил внимание на искреннее стремление своего героя к религиозности, что сам молодой философ отразил в письме к родственнице, написав следующее: «...Наука не может быть последнею целью жизни. Высшая истинная цель жизни другая – нравственная (или религиозная), для которой и наука служит одним из средств». Не случайно Соловьёв стал слушателем Московской Духовной Академии⁷.

Внуки Флоренского, авторы очерка о нём, также обратили внимание на ту же типичную черту (как это сейчас уже ясно) подлинного консерватизма, сказав, что их дед сознательно поступил в Московскую Духовную Академию, «желая, как он писал в одном из писем, “произвести синтез церковности и светской культуры, вполне соединиться с Церковью, но без каких-нибудь компромиссов, честно воспринять всё положительное учение Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством...”»⁸. Аналогичный волевой мотив искреннего движения к Церкви, как воплощению верховной истины, фиксировала И. Роднянская, говоря о формировании мировоззрения С.Н. Булгакова, который воспринимал своё зрелое обращение в Православие как возврат «под отчий кров блудного сына евангельской притчи». Исследовательница ссылалась на отзыв ученика Булгакова Л.А. Зандера, отметившего, что искания Булгакова были символическими «в истории русской души», «а его священство – как залог оцерковления русской интеллигенции»⁹.

В процитированных авторами «Литгазеты» высказываниях В.С. Соловьёва, П.А. Флоренского и описании нравственной сути порывов С.Н. Булгакова, по сути, содержалось свидетельство рецепции нашими до-

революционными классиками того мировоззренческого и «совестного» подхода, который был выработан ещё А.С. Пушкиным, а затем подхвачен его последователями по самобытническому кругу, в том числе славянофилами и почвенниками. Настроение честного принятия Православия как истины, равно и всего, что из него проистекло в отечественной истории, включая христианскую самодержавную государственность, – вот действительный вклад Пушкина, обеспечивший дальнейшее становление русского консервативного самобытничества, опиравшегося не столько на чистый этатизм, как это бывало у консерваторов-бюрократов и выразителей их настроений (например М.Н. Кагкова), сколько на искреннюю религиозность. Указание на эту мысль и на данный этос свободного консерватизма заключены в известной фразе нашего национального поэта, гласящей, что «...греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»¹⁰. Пушкин предвосхитил Ф.И. Тютчева, кн. П.А. Вяземского, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ф.М. Достоевского, Ап.А. Григорьева и других свободных консерваторов-самобытников, которые, как и позднейшие религиозные философы, поэты, о которых только что было упомянуто, определили в качестве главного устоя народной и государственной жизни искреннюю веру во Христа Бога. Эта стержневая идея объединяла всех самобытников во времени и пространстве Русского мира, несмотря на все индивидуальные различия, бывшие между ними по степени внутренней религиозности каждого. Все они, как и многие другие из их круга, принципиально отстаивали истинность общего для них отправного тезиса о первичности Веры. Именно на ней, по их мнению, покоилась другая составная часть исповедуемого ими консервативного учения, постулирующая Царство или христианскую империю в качестве второго устоя цивилизации. Да и третья несущая опора жизни – народность, понятие, указывающее на индивидуальное «лицо народа», понимается свободно-консервативной школой как средоточие и слитие в одно целое этнографического, культурного, традиционного, ментального начал, равно оплодотворенных православной духовностью¹¹.

«Литературная газета» во второй половине 80-х гг. XX в. много сделала для духовного и идейного усвоения отечественного наследия, очень часто противоестественно и искусственно разрывавшегося на противостоящие части. Создавалось все больше предпосылок для осмысленного и прочувствованного изучения консервативно-самобытнической отечественной традиции в её преемственном единстве. Знаменательной, в этом смысле, была первая, уже посмертная публикация газетой философско-публицистической работы А.Ф. Лосева «Родина», найденной

А.А. Тахо-Годи среди рукописных материалов этого классика Серебряного века. «Последний из могокан» национальной духовной традиции, сформированной до революции, так много сделавший для передачи её наследия во вторую половину XX в., Лосев, ополчившись против кантовского бессердечного космополитизма и родственного ему марксизма, писал: «Наша философия должна быть философией Родины и Жертвы, а не какой-то там отвлеченной, головной и никому не нужной “теорией познания” или “учением о бытии или материи”». Лосев отстаивал отправной принцип отечественного самобытничества, искавшего ещё в XVIII в. и, наконец, нашедшего в XIX в. «русскую идею» в тех надмирных началах, осознание которых дало народу его высшие идеалы, воплотившиеся в именах Святая Русь, Помазанник Божий, крестьянство («христианство», как главное народное имя-самоназвание). Эти священные имена, отразившие живое народное чувство консервативной Триады, не были плодом случайных идейных флуктуаций, но отражали глубинные народные чувства о правде бытия. Имея в виду именно эту духовную или, говоря по-философски, идеальную первооснову Родины, которую всегда надлежит жертвенно хранить, мыслитель призывал не опошлять Жизнь отождествлением её с суетливой повседневностью. Лосев писал, обобщая главный религиозно-метафизический вывод русской мысли, пушкинско-тютчевской, славянофильской, почвеннической, веховской: «... нет осмысления жизни вообще, если нет осмысления того общего, чему служит жизнь, откуда она порождается и во что она погибает, ибо иначе – абсолютная бессмыслица, и бессодержательное вечное повторение мимолетных жизней, и пустая, тоскливая, тупая смена сплошных рождений и смертей». Россия с её надмирными началами, по Лосеву, сокрыта для понимания чужаков, но и мы сами не должны становиться чужими своему отечеству, отсюда необходимость жертвенного все нового и нового единения с Родиной. Не найти смысла жизни в наблюдении потока повседневных феноменов её материальной и прозаической стороны. Он заключал: «если окунуться в жизнь с головой, если не видеть ничего, кроме непосредственной жизни, если не становиться выше жизни, то жизнь есть судьба, самая буквальная и настоящая, самая мрачная, бессмысленная и безжалостная, всесокрушающая и неотвратимая судьба. Но всё дело в том, что непосредственная жизнь не есть наша повседневная действительность. Все дело в том, что сквозь неясные, мутные и едва различимые завесы жизни проступают строгие и вечные, но свои и родные лики родного и всеобщего. Сквозь трагедию сплошных рождений и смертей светится нечто родное и узорное, нечто детское, <...>, ради чего стоит умирать и что осмысливает всякую смерть, которая иначе есть вопиющая бессмыслица»¹².

К поискам «Литературной газетой» возрожденной русской идеи присоединялись и другие органы периодической печати, в том числе вновь образованные. Всё это неумолимо меняло общественный климат, создавая дополнительные предпосылки для изучения общественной правды в её классической традиции воплощавшегося до революции русско-европейского христианского синтеза. «Литературная Россия» поддержала свою «старшую сестру» в поисках истинных духовных корней отечественной культуры. Запомнилось первое современное переиздание этой газетой эссе К.П. Победоносцева «Дела и дни», написанного по мотивам работы американского консерватора Р.У. Эмерсона. В.Н. Афонина, снабдившая публикацию предисловием, пришла к выводу, что Победоносцева следует по праву объединить «в единой философской школе с И. Киреевским, А. Хомяковым, Ю. Самариным, Ф. Достоевским и многими другими мыслителями национальной школы»¹³. Даже коммунистическая «Советская Россия» в духе патриотизма участвовала в реабилитации героев нашего «Серебряного века», правда, пытаясь сочетать такой подход с принципами «реального социализма». Так появился пространный очерк Ю. Азарова о Н.А. Бердяеве – критике первоначального большевизма¹⁴. Из новых печатных органов, создававшихся во многом ради популяризации наследия отечественной христианской мысли, следует назвать газету «Путь», учрежденную в начале 90-х гг. Российским Христианским Демократическим Движением (главный редактор Г.А. Анищенко, в составе редколлегии был христианский мыслитель и политик В.В. Аксюциц). Это издание старалось публиковать фрагменты трудов классиков русской мысли Зарубежья. Так, в 1991 г. была опубликована статья Г. Федотова «Будет ли существовать Россия?», в которой этот известный мыслитель отстаивал давний консервативный принцип, говоря о законных правах «великорусской» народности и ставил задачу задуматься о проблемах, связанных с грядущим крахом коммунистического проекта в отечестве, настаивая на «создании национальной власти в России» во имя сохранения единства страны¹⁵. Психологически интересно заметить, что эта «христианско-демократическая» газета вольно или невольно попутно выступала и апологетом монархических принципов. В том же номере «Пути» была помещена большая интересная статья И. Роднянской о росте подспудной христианизации советской интеллигенции 60-х годов на основе рецепции «просвещенного почвенничества». Работа сопровождалась фотографией иконы Царственных мучеников, прославленных к тому времени Синодом Русской Православной Церкви Заграницей с соответствующей пояснительной надписью. Далее, на последней полосе того же номера газеты публиковалось стихотворение

известного поэта Ю. Кублановского о России, в поэтическом отношении напоминающее строки А. Блока. Поэта печалит прошлое, тревожит будущее. В духе национального примирения поэт, в частности пишет: «О как в нищете ты, родная, упряма. / Но зримей всего / на месте снесенного бесами храма / я вижу его. // И там, где, казалось бы, кровью залейся / невинной зазря, / **становится жалко и красноармейца, не только царя**»¹⁶.

В 80-е – 90-е годы стал быстро меняться общественный и историографический климат¹⁷. Началось своеобразное оправдание царской России, поскольку именно благодаря ей возникла пушкинская традиция самобытности, опиравшаяся на просвещенную религиозность и народный монархизм. Было обращено внимание и на положительные социальные процессы,¹⁸. Постепенно создавались культурно-исторические условия, дававшие возможность более пристального взгляда на дореволюционный консерватизм, с выделением в нем двух флангов, правительственного, официального, во многом ложно-имитационного, и общественного, свободного от приспособленчества, объединившего в своих рядах многих представителей русской культурной элиты. Стали переосмысливаться историко-идеологические штампы советского прошлого. Медленно, но уходили в прошлое времена, когда Пушкин воспринимался исключительно вольтерянцем, князь Вяземский – «декабристом без декабря», славянофилы – либералами и т.п. При изучении социальных, общественно-политических и культурных процессов России XIX – начала XX вв. стала восстанавливаться исследовательская методологическая преемственность с дореволюционными временами. Именно тогда ещё князем П.А. Вяземским, П.Б. Струве, В.В. Розановым и А.А. Блоком был поставлен вопрос о единстве той *общественной консервативной традиции*, которая была начата Карамзиным, мощно утверждена Пушкиным, Жуковским, Тютчевым, Вяземским, продолжена и развита славянофилами и почвенниками. К этому же выводу автор этих строк стал склоняться в начале 90-х гг. XX в¹⁹. Все названные классики национальной мысли и вдохновленные ими позднейшие последователи, по сути, сливаются в единую органическую школу отечественной консервативной общественно-политической мысли. Далеко не случайно, что представители последней почти с самого начала её исторической жизни стали оцениваться сторонними наблюдателями, в частности агентами III Отделения, как круг «русских патриотов» или «русская партия»²⁰. Правда, жандармы и их агентура отождествляли патриотов-самобытников с либералами-ниспровергателями, не умея или не желая разглядеть среди патриотов людей подлинно консервативной ориентации. Сам доносчик Булгарин косвенно это подтвердил в мартовском

доносе 1846 г., направленном против издателя «Отечественных записок» А.А. Краевского, лицемерно сравнивая прошлые ликвидированные правительством органы печати, заподозренные в либерализме, с органом Краевского: «За что запретили Дельвигу “Литературную газету”, за что запретили “Московский телеграф” Полевому? – Да в этих журналах нет и миллионной части того, что ежемесячно появляется в “Отечественных записках”, где явно проповедуется революция». Булгарин только «забыл» добавить, что он сам делал доносы, в том числе против свободных консерваторов, чтобы под предлогом их якобы неблагонадежности ликвидировать органы своих конкурентов по журналистскому цеху. В частности, известно, что Бенкендорф по наводке Булгарина вызвал в 1830 г. Дельвига и сделал ему «строгий выговор» за направление «Литературной газеты», да еще угрожая сослать в Сибирь его с товарищами, Пушкиным и Вяземским, после чего Дельвиг вскоре скоропостижно скончался²¹.

Итак, у сторонников свободного консерватизма, последователей Н.М. Карамзина, постепенно росло сознание своего противостояния абсолютистско-бюрократической системе, созданной в результате петровских преобразований, в которой по определению велика была доля немецкого и иного иностранного элемента. Поэтому неизбежным было осознание остзейской проблемы и её ключевого значения в судьбах страны и династии со стороны свободных консерваторов. Бюрократические верхи страны, нравственно пораженные «космополитизмом», духом «подражательности» к Западу, самобытники называли «мнимой» или «официальной» Россией; правительственный консерватизм – «казённым патриотизмом» и т.п. О себе самих эти, по преимуществу, литераторы и поэты, становившиеся иногда лишь второстепенными или третьестепенными чиновниками по разным министерствам и ведомствам, говорили как о сторонниках *русской народности, русского воззрения, поборниках самобытности, противниках подражательности*, выступающих за *органическое* развитие страны в духе исторического Православия и Самодержавия. Они были противниками механических преобразований, образцы которых заимствованы из-за рубежа. Кроме того, самобытников всех поколений объединяло идейное противостояние растущему атеистическому радикализму *ордена либеральной полубразованной интеллигенции, пораженной чужеземным идеологизмом*²². Курсивом здесь выделены собственные понятия или определения, которые были выдвинуты свободными консерваторами в течение первой половины XIX в. для «диагностирования» системной духовной болезни российской государственности. К началу пореформенного периода, ознаменовавшегося неустанной борьбой Ф.И. Тютчева, его дочери Анны, И.С. Аксакова

(зятя поэта-мыслителя) и Ю.Ф. Самарина за национальное оздоровление верхов Империи и противостоянием Ап.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, К.Н. Леонтьева безбожному революционному интеллигентскому ордену, стоявшему за слом Церкви и Царства, русский свободный консерватизм в значительной мере укоренился в культурной элите русского общества. Его выводы стали органически входить в состав либеральных в основе построений историка «государственной школы» А.Д. Градовского (1841-1889), который воспользовался терминологией, разработанной славянофилами и почвенниками, отстаивая в пореформенный период идею национальной государственности, покоящейся на принципе *народности*, выступая против *слепой подражательности* бюрократических верхов страны, их *обезличения*, отстаивая государственно-публичные права русского народного *культурного типа*, выступая против западнического *юридического подхода* к выявлению сути государственности, против забвения органических начал жизни с искусственным конструированием её форм²³. Он, в частности, писал: «*Народное творчество* – вот последняя цель, указываемая каждому народу самой природой, цель без которой не может быть достигнуто совершенство рода человеческого. Убить творческую силу народа – всё равно что убить силу личной предприимчивости в неделимом [т.е. человеческой личности]. Подчинение всех рас одной “всеспасающей” цивилизации так же пагубно действует на международную жизнь, как “всеспасающая” административная централизация – на внутреннюю жизнь страны»²⁴. Градовский почти с тем же неприятием, что и консерваторы-самобытники, ополчился на космополитический либерализм с его «общечеловеческим» подходом. Он писал: «Общечеловеческие теории» суть тот же коммунизм, только в применении к коллективным личностям, народам. Эти теории полагают, что прогресс и мир человечества зависит от уничтожения самобытности наций, подобно тому, как некогда Платон думал осуществить единство своего государства через уничтожение личной собственности, <...>. Недостаток всех теорий можно выразить в одном слове – они *противоестественны*»²⁵. Сам Градовский признал положительное общее влияние русского самобытничества на национальный дух России. Он даже посвятил цикл своих публичных лекций, прочитанных им в марте 1873 г., анализу славянофильского наследия. Он назвал его «живым», «действующим», «повлиявшим на *инстинкты* значительной массы общества», «изменившим дух времени» в положительную сторону. Добросовестный либерал заявил: «Мы утверждаем, что стремления, пробужденные славянофильством, будут иметь неотразимое влияние на *будущее* русского общества, что влияние это будет тем силь-

нее, чем сознательнее, свободнее, самостоятельнее будет относиться русский человек ко всем политическим, общественным и международным вопросам»²⁶. Так оценки положительного вклада самобытничества в развитие консервативного национального самосознания («национальной теории»²⁷) и культуры в России, сделанные Градовским, вполне смыкались с аналогичными же оценками почвенников (Достоевского, Розанова и других), прямых соратников и продолжателей дела славянофилов в 70-е – 90-е и последующие дореволюционные годы.

У самих самобытников продолжилось терминологическое усиление их свободно-консервативных констатаций, поражающие «стрелы» которых направлялись и вверх – в адрес «официальной России», и вниз – ударяя по радикально-либеральному интеллигентскому обществу. Между двумя названными выше группами свободных консерваторов сложилось своеобразное разделение труда при определяющей нравственно-религиозной и идейно-консервативной общности. Первые, во главе с Тютчевым преимущественное внимание уделяли верхам страны, к которым и сами принадлежали по рождению. Вторые (Достоевский и другие), происходившие из дворянских «средняков» или даже низов, стоявшие ближе к народной толще страны, гораздо лучше ориентировались в процессах, происходивших среди рядовой интеллигенции.

Итоги этого совместного интеллектуального и нравственного воздействия двух ответвлений пореформенного консервативного самобытничества, как они выразились в определенных терминах, таковы. Тютчев, начиная с середины 50-х гг. все больше уверяется в неспособности правящего класса перевоспитаться в духе идеалов свободного консерватизма. Представители последнего стояли за органическое единство курса на эволюционное развитие гражданской свободы в обществе и укрепление самобытной самодержавно-монархической власти, долженствующей встать, наконец, на собственные духовно-нравственные народные опоры во внутренней и внешней политике с прекращением подражательных заимствований из Франции Наполеона III, Австрии, Пруссии и других западных стран²⁸. Тютчев всё чаще становился свидетелем русофобии ряда высших сановников, не веривших в творческие возможности того народа, к которому они и сами принадлежали²⁹. Эти сановники (П. Шувалов и другие), страдая Александра II революционной угрозой, после апрельского, 1866 г., выстрела Каракозова вознамерились сделаться верховниками по образу своих предшественников XVIII века и повторить попытку введения «шляхетской» конституции, ограничивающий полномочия законного монарха³⁰. Тютчев, точно зная об этих планах, возмущался *бессознательностью* вер-

хов, допускающих такое, по сути, революционное насилие над законной самодержавной традицией, укорененной в церковной правде и в народной вере. Мыслитель опровергал фарисейские самооценки представителей дворянского либерализма, маскировочно называвших план Шувалова «консервативным», а самих его вдохновителей, сделавших ставку на шантаж династии (под предлогом борьбы с революционными тенденциями), заклеил такими выражениями: *клика, шайка, мерзавцы, негодяи, русофобы*. Более всего Тютчева угнетал тот факт, что Император и его ближайшее окружение не были в состоянии понять опасности раскола верхов и продолжения проведения непоследовательной политики, «консервативной» только на словах, а на деле парадоксально (в конечном счете) смыкавшейся с целями зарубежных революционных сил и их отечественных адептов.

Достоевский, наблюдавший рост интеллигентского безбожия и радикального революционаризма, опиравшегося ментально, по-западнически, на веру в «общечеловеческий прогресс», клеймил либеральное доктринерство новой, уже демократической, поросли космополитов, среди которых было много не только добросовестно заблуждающихся людей, но и карьеристов, почуявших начавшееся сколачивание новой революционной элиты и устремившихся влиться в неё, пока не поздно. Эту публику, представители которой «Европы все нюхнули», не поняв в ней ничего кроме «манер», писатель-консерватор и называл такими именами: *международная обшмыга*; публика, пораженная *чужебесием*, и т.п. Незадолго до кончины Достоевский писал в «Дневнике писателя»: «О, разве нет Копейкиных-либералов? Они слишком поняли, что в моде либерализм и что на нем можно выехать. Кто их не видывал: либерал всесветный, атеист дешевый, над народом величается своим просвещением в пятак цены! Он самое пошлое из всех пошлых проявлений нашего лжелиберализма, но все-таки у него неутолимо развит аппетит, а потому он опасен. Вот такие-то первые и *примыкают прежде всего ко всякой идее о пересадках извне* для механического врачевания...»³¹. Честные, хотя и ограниченные доктринерской раздражительностью революционные вожаки этих рептильных прихлебателей, по Достоевскому, трагически не понимают русской отдельности, того «что народ наш носит в себе органический зачаток идеи от всего света особой». И далее: «Вот чего не понимают у нас умники, верующие, что всё у нас переделается в Европу безо всякой особенности, и ненавидящие особенности, от чего, конечно, дело может кончиться даже бедой. А что у нас всё основное как нигде в Европе, то вот вам тому первый пример: у нас свобода (в будущем нашем, когда мы переживем период лжеевропеизма нашего, это наверно так будет) – у нас гражданская свобода может водвориться

самая полная, полнее, чем где-либо в мире, <...>. Не письменным листом утвердится, а созиждется лишь на детской любви народа к царю, как к отцу, ибо детям можно многое такое позволить, что немислимо у других, у договорных народов...»³². Совсем скоро, в марте 1881 г. Россия будет пожинать первые системные плоды выросшего нигилизма, «доросшего» до царевубийства, до той «беды», которую предвидел гений, призывая интеллигенцию, пока не стало поздно, учиться подлинной народной России, пушкинской, крестьянской, купеческой, не искаженной ещё язвой подражательности, поразившей сановных «баден-баденцев».

Видим, как в процитированной фразе писателя-классика, высказанной незадолго до его кончины, была выражена квинтэссенция программы свободного консерватизма, которая начала формироваться Карамзиным, Пушкиным, представителями их круга, а далее развивалась славянофилами и почвенниками. Достоевский опирался на консервативно-христианское учение о нормативности *органического* развития общества, покоящегося на собственных национальных устоях, естественным образом возросших в истории народа. Он отверг, соответственно, подражательно-доктринерский подход радикальных поборников *произвольных механических* перемен по конституционным шаблонам *договорных народов* Запада. Тем самым Достоевский подытожил самобытные выводы всего свободно-консервативного общественно-политического движения, которое исходило, по определению славянофилов, из *русского воззрения* и, далее, – из идеи об органической совместимости в отечественных условиях развивающейся *гражданской свободы* и традиционной *законной* монархической верховной власти, без которой русский народ не мыслил земной жизни.

Достоевский формулировал в духе свободного консерватизма план, так сказать, совестного или нравственного преображения страны, о духе которого позднее как-то обмолвился В.В. Розанов, сказавший, что в России все должно соответствовать нашему «Господи, помилуй!». Это элементарная, но далеко не всегда сознаваемая, истина, гласящая, что строить собственную жизнь необходимо на её исторических *национально-государственных* основаниях, опирающихся на *дух* Православия и соответствующий ему менталитет, который невозможно отменить для себя даже радикалу и атеисту, поскольку он автоматически достается «потомком православных», в снятом виде несущим в себе определенные традиции. Писатель отмечал, что необходимо именно духовное возвращение к собственным устоям: «это было бы началом такой реформы, которая по значению своему даже могла бы быть выше крестьянской: тут произошло бы тоже “освобождение” – освобождение умов и сердец наших от некоей

крепостной зависимости, в которой и мы тоже пробыли целых два века у Европы, подобно как крестьянин, недавний раб наш, у нас». Тогда верховная власть соединится с самобытной мудростью своих великих сограждан, произойдет «духовное слияние сословий» и «свои в первый раз узнают своих». По Достоевскому, только тогда наша интеллигенция, наконец, узнает о том, «какие суть и могут быть впредь наши цели, то есть национальные и государственные»³³. Писатель завершал свою мысль о необходимости «второй», нравственной реформы самовозврата России к собственной душе указанием на то, что только так можно раскрепостить «великий народный охранительный и зиждетельный дух» и уберечься «от перековерканий на западный лад». И, наконец, итоговый вывод: «А главное... получится тон и смысл, получится тот самый дух, в котором только и может совершиться всё что-нибудь дальнейшее и обширнейшее. На это дело как бы печать ляжет, *печать национальная и глубоко консервативная*. И печати этой и впоследствии никто не избегнет...»³⁴.

Свободные консерваторы-самобытники не были противниками либеральной идеи *гражданской свободы*. Со времен Карамзина они отвергали радикальную эволюцию либерализма в направлении исключительной борьбы за *политическую свободу* граждан ценою умаления реально необходимого гражданского прогресса, достигаемого эволюционно и только с опорой на историческую самодержавную власть³⁵. Именно это обстоятельство имел в виду почвенник Аполлон Григорьев, когда он в пространном письме к М.П. Погодину (1859) обвинил радикалов круга «Современника» из школы Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова в ложном либерализме. Он исходил из того, что истинная свобода предполагает любовь к историческому отечеству, а не к отвлеченным западным теориям, заквашенным на безбожии и под видом стремления к общечеловеческому «прогрессу», сдающая страну в духовный и иной плен к чужеземцам. Григорьев, в частности, писал: «Я всюду вижу повторение эпохи междуцарствия – вижу воровских людей, клеветов Сигизмунда, мечтателей о Владиславе – вижу шайки атамана Хлопки <...> – не вижу земских людей, людей порядка, разума, дела. <...> я никогда не переставал быть православным по душе и по чувству, **консерватором в лучшем смысле этого слова**, в противоположность этим тушинцам, которые через два года, не больше – **огадят и опозорят название либерала!** Ведь только вы[.....]к мог такую слюною бешеной собаки облевать родную мать, под именем обломовщины, и свалить все вины гражданской жизни на самодурство “Тёмного царства”»³⁶.

Сказанного, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы понять, почему остзейская проблема весьма остро ощущалась нашими национальными консерваторами в течение всего XIX в., вплоть до революции, как впрочем, и всеми патриотами. Осознание консервативной культурной элитой Империи того, что «петербургская цивилизация» обречена на качественные перемены в силу своей беспочвенности; стремление не допустить революционного варианта разрешения этого затянувшегося противоречия между петровской бюрократической формой с неизбежной ставкой на «внутренних немцев» и развивающейся национальной жизнью приводило самобытников к постоянной борьбе за «народность». Естественным в этих условиях был их протест против «засилья немцев» в высших эшелонах управления. Как о чем-то само собой разумеющемся И.С. Аксаков в биографии Тютчева упоминал «польский и балтийский вопросы», намекая читателю на патриотический настрой Тютчева, выразившийся в стихотворении 1866 г., посвященном юбилею Карамзина – отца-основателя свободного, просвещенного, творческого консерватизма³⁷. Достоевский в самом конце своей жизни, предельно обобщая такой подход, отметил в записной книжке 1880-1881 гг.: «Петербург ничего, а народ всё»³⁸.

Уже упоминавшийся А.Д. Градовский, во многом последовавший за самобытниками, блестяще и в полном соответствии с духом Карамзина-Пушкина-Хомякова объяснил те реальные предпосылки, в результате которых и образовалась в нашем дореволюционном политическом классе зияющая политическая рана, названная русскими «остзейским вопросом». В одной из своих публичных лекций о значении славянофильской традиции, прочитанных в Петербурге в марте 1873 г., историк-государственник коснулся природы того противоестественного явления, которое обнаружилось уже во времена «владычества немецкой партии, воплощенной в Бироне»³⁹. Градовский говорил, что даже в период «во многих отношениях национального царствования Екатерины II» продолжала развиваться наша коренная болезнь отрыва верхов страны от народного духа. Рассматривая проблему с правовой точки зрения, историк заметил, что «петербургский период», отмеченный введением западного феодального принципа «привилегий», нарушил прежнее здоровое единство «земли» и государства, характерное для допетровского «московского законодательства». Екатерина, в других отношениях гуманная и либеральная, в своём общем законодательстве действовала в соответствии с этим «не русским» принципом. Градовский заключал: «Последствия этой новой идеи были неисчислимы. Вокруг государства сгруппировалась часть русского общества, получившая от него свою честь, своё “отличное” состояние. Опираясь на эту честь, оно уже прин-

ципиально противоположило себя остальной массе народонаселения, получившей тогда характеристическое название “подлого” народа. Положение этого “подлого” народа в XVIII ст. стало юридически хуже, чем в XVII в.»⁴⁰.

Градовский утверждал, что новый русский монархизм XVIII в., искусственно вобравший в себя западный феодальный дух разделения и противопоставления верхов и низов общества, принципиально, хотя и неосознанно (в духе западного абсолютизма) отрывал теперь «привилегированные» верхи от «подлых» низов, внося системную ошибку в функционирование прежде внутренне сплоченной страны с единой православной честью. Историк в этих оценках опирался на выводы славянофилов, заключая, что петербургский период характеризовался *«раздвоением земли и государства»*, когда стало действовать «государство без мысли народной». Неизбежным следствием был «раскол между жизнью официальной, жизнью по закону – и жизнью народной, жизнью по обычаю». Возникла очень опасная ситуация. Государство, – указывал историк, – своей чисто формальной законотворческой деятельностью, оторвавшись от народного духа, невольно способствовало снижению творческого потенциала народа. В духе Тютчева, Хомякова и Достоевского Градовский писал: «Отсюда [проистекало] нередко замечавшееся отсутствие предания и самостоятельности во внешней и внутренней политике самого государства. Потеряв определенную точку опоры в народности и его истории, оно часто обречено на подражание, и притом даже подражание без определенного и твердого плана»⁴¹. Так возникло и стало укореняться чисто подражательное настроение правящих официальных сфер России: «Как часто переходили мы от поклонения типу шведскому, германскому к поклонению типу французскому, и наоборот? Сколько раз приходилось нам служить пассивным орудием чужих политических целей?», – восклицает Градовский. Почти как Достоевский, проклявший «европейничанье», историк проникает в самую психологию подражательства высших слоев петровской России, говоря о своеобразном энтузиазме их измены собственной народности: «Высшие классы, приняв официальную одежду, моды, нравы, стремления, с **некоторым удовольствием занялись обезличением своего нравственного существа**, прилаживая его к тому или другому типу. Это обезличение и подражательность дали свой плод; они привели к общественному бессилию этих классов; на чём могли бы основаться их сила и влияние? Были ли они земской силой, элементом народным? Они владели народом <...>; но они не *выражали его*, не имея с ним действительной связи. Их мнение не могло иметь и не имело веса в глазах государства, потому что **они сами шли за чужим мнением и не представляли самобытной нрав-**

ственной величины. К чему было их мнение, когда государство могло выслушивать более авторитетное мнение, мнение Европы? Что значит мнение школьника перед мнением учителя?»⁴².

Градовский, популяризируя дух и идеи свободного консервативного самобытничества, и сам соглашаясь с ними, поскольку речь шла о фатальном внутреннем расколе гражданского склада России, как и его вдохновители – славянофилы, вплотную подводил читателя к ряду принципиальных выводов. Во-первых, остзейская проблема, под видом бироновщины и т.п. упомянутая самим Градовским, оказывалась не досадной случайностью, связанной с балтийской политикой Петра I, но прямо вытекала из новой официальной ставки на подражательность, заложенной в сам реформаторский курс великого монарха. Раз у нас есть счастье иметь в числе подданных собственных внутренних европейцев, немцев, то как же не отдать именно им пальму первенства в занятии русских военных и гражданских должностей? Тут сверх-отрицательные объективные последствия, вытекавшие из петровских преобразований, безусловно, превзошли собственные субъективные ожидания Петра, который все-таки предполагал грядущее наступление такого положения, когда Россия, воспользовавшись заимствованным, с удовольствием повернется к Европе «ж...й». Об этом стратегическом плане царь сообщил обрусевшему немцу графу Остерману, который, по свидетельству П.И. Бартенева, записал эти слова царя на внутренней стороне переплета своей Лютеранской библии⁴³. Во-вторых, что не менее важно, хотя это и не обсуждается в настоящей работе, Градовский (как до него Тютчев, Достоевский и другие консерваторы) фактически утверждал, что интеллигентский революционный радикализм прямо проистекал из возникшего подражательного положения по двум обстоятельствам. Оторванные от народного духа представители благородного сословия при чужеземном воспитании вполне естественно становились нигилистами. Сама их беспочвенная жизнь порождала склонность к восприятию все новых и новых мод с Запада. Ставшая модной Революция при полном непонимании своего отечества и делала из рядового чиновника, «у которого в голове был Фурье, а в руках “доходное место”» циника и нигилиста одновременно. Для того чтобы всё окончательно стало ясно в этой диалектике наступления неминуемой расплаты в национальной и социально-культурной сфере за расставание с народностью, Градовский приводил цитату из Хомякова со следующими, как он говорил, «замечательными словами» славянофила: «За странным призраком погнались у нас многие. Общевропейское, общечеловеческое!.. но оно нигде не является в отвлеченном виде. Везде все живо, все народно. А думают же иные обезнародить себя и уйти в какую-

то чистую, высокую сферу. Разумеется, им удастся только умирить свою жизненность и, в этом мертвом виде, не взлететь на высоту, а, так сказать, повиснуть в пустоте, т.е. изобразить из себя *магометов гроб*»⁴⁴.

Итак, рождение остзейского вопроса было естественным последствием курса Петра Великого и его наследников. Возможная корректировка подражательной политики Императора так и не состоялась ввиду его безвременной кончины. Полное осознание «внутренней» немецкой проблемы с точки зрения консерваторов-самобытников произошло только в первой половине XIX в., когда завершилось формирование русского свободного консерватизма, сразу же ставшего в оппозицию к официальному охранительству, носителями которого выступили не только офранцузившиеся русские потомки «птенцов гнезда петрова», но и служилые остзейские бароны, ставшие составной частью русской дворянской элиты. Последние по естественным своим национальным и корпоративным склонностям выступали в качестве консерваторов не по отношению к Святой Руси, но по отношению к петровскому абсолютизму, дававшему остзейцам большие привилегии чем те, которые были у них при польском, а позднее шведском владычестве.

* * *

Изучение русского консерватизма, равно и частных проблем, теснейшим образом с ним связанных (в том числе и остзейского вопроса), научно актуально, практически полезно и своевременно. Научная актуальность связана с малой разработанностью темы. В течение большей части прошлого века заниматься консервативным самобытничеством было весьма затруднительно по нравственным и политическим соображениям. «Победивший социализм», действительно увлекший за собой многих, в сочетании с цензурным изъятием из общественного оборота большинства источников по консерватизму делал почти невозможным обращение исследовательского внимания к данной теме. «Реакционные» идейные течения, как тогда наименовались консервативные идейные построения, считались устаревшей архаикой, которая не заслуживает никакого внимания. Так повторялся известный методологический подход философа-прогрессиста, врага христианства Вольтера, который историю Европы до XVI века считал бессодержательной и не рекомендовал ученым тратить силы на эти якобы химерические изыскания. В результате консерватизм, теоретический и практический, с его внутренним богатым содержанием оказался за бор-

том исторической науки и вообще за пределами гуманитарного знания. Никто не задумывался о типологии консерватизма, об устойчивом духовно-идейном ядре его самобытного крыла, о единстве отечественной свободно-консервативной традиции в её историческом развёртывании на протяжении двухсот с лишним лет, начиная со времени Французской революции и до наших дней. Не ставилась задача выявления ни меры идейного единства, ни сути различий между различными поколениями консерваторов. А творческие поиски мыслителей русского Зарубежья, относившиеся к данному предмету, вообще были за семью печатями в спецхранах, либо оказывались полностью недоступны из-за отсутствия каких бы то ни было отношений между официальной советской наукой и зарубежными эмигрантскими исследователями. Между тем в Зарубежье достаточно успешно продолжилась дореволюционная конструктивная линия по изучению свободного консерватизма. Так, Л. Львов ещё в 1923 г. в весьма содержательной статье, посвященной памяти Тютчева, чей 120-летний юбилей тогда отмечался, писал об этом выдающемся поэте-мыслителе, бывшем, по его словам, «благородным представителем **патриотического консерватизма**»⁴⁵. Видим, что Львов, как и другие его современники, не понаслышке понимавшие суть противостояния А.С. Пушкина и А.Х. Бенкендорфа, В.А. Жуковского и Л.В. Дубельта, Ф.И. Тютчева и П.А. Шувалова, И.С. Аксакова и П.А. Валуева, В.В. Розанова и К.П. Победоносцева, понимали, что первые в этих парах имен являлись свободными, искренними защитниками русских исторических начал, а вторые – «официальными» охранителями не Святой Руси, но отжившей петровской бюрократической системы или корпоративных привилегий дворянских верхов.

Отсутствие развернутых исследований по консерватизму (до начала 90-х годов прошлого века) привело к недопустимым ошибкам в определении идейной принадлежности ряда крупных деятелей общественно-политической мысли дореволюционной России. Самой вопиющей из них было ошибочное причисление консерваторов-славянофилов А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина, В.А. Кошелева, братьев К.С. и И.С. Аксаковых и др. к либеральному лагерю⁴⁶. Понять природу этого заблуждения можно. В советское время при забвении консервативного, единственно возможного «правого» лагеря, «правыми» стали считаться либералы разных типов. Получалось, что если Хомяков не революционер, но противостоял бюрократии (а это было бесспорно для всех), то это потому что его взгляды «правее», чем у А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского. Поскольку же правее радикалов действительно находились либералы, то рождалось ошибочное представление о Хомякове как деятеле этого лагеря,

который хоть и отличался от либералов-западников, но представлял собой якобы чисто либеральный, правда своеобразный русский тип. Примерно такова логика привычного подхода отечественных исследователей русской мысли недавнего времени⁴⁷. Сегодня, к счастью, у историков и других гуманитариев восстанавливается истинное понимание системного консерватизма славянофилов⁴⁸. Конечно, не следует и драматизировать то наше недавнее состояние историографии, результатом которого было причисление славянофилов-самобытников к числу либералов. Во-первых, у всех свободных консерваторов, в том числе и у славянофилов, действительно был классически либеральный компонент – принципиальное признание нормативного характера *гражданской свободы* в цивилизованном обществе. Но признавали они его как верующие в Бога консерваторы, пытавшиеся возродить идею и практику русского православного царства, которое по высказыванию Ивана Аксакова не является ни восточным деспотизмом, ни западным абсолютизмом⁴⁹. Царство, по их справедливому суждению, почерпнутому у предшественников, никак не препятствует капитальному эволюционному развитию и утверждению в России гражданской свободы безо всяких западных конституционализмов-парламентаризмов и всего относящегося к идее *политической свободы*, рожденной западными расхристанными *договорными народами*. Во-вторых, в конкретно-исторической пореволюционной ситуации, когда исследователям было почти невозможно заниматься консерватизмом, эта робкая сдвигка вправо, произведенная еще до великой войны XX в. С.С. Дмитриевым, впервые причислившим славянофилов к либералам, действительно способствовала развитию нашей историографии в правильном направлении.

Исследование русского идейного самобытничества или (что вполне тождественно) – свободного консерватизма – не только актуально с научной точки зрения, но и полезно в практическом отношении. Крах коммунистической модели мироустройства, гигантские проблемы, вставшие перед мировым либерализмом (США и остальной Запад), вступившим, по мнению целого ряда видных отечественных и западных мыслителей, в период завершения своей истории, заставляют исследователя изучать взгляды критиков радикально-либеральных идей, которые в России стали действовать на общественной арене ещё до начала Французской революции XVIII в. Речь идёт о русской свободно-консервативной традиции, созданной Н.М. Карамзиным, укреплённой А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, П.А. Вяземским и П.Я. Чаадаевым; той традиции самобытничества, которая была подхвачена славянофилами (А.С. Хомяковым, И.В. Киреевским, Ю.Ф. Самариным, Аксаковыми), почвенниками (Ап. Григорьевым, Ф.М. Достоев-

ским, Н.Н. Страховым), философами и деятелями нашего Серебряного века (В.С. Соловьёвым и его последователями, В.В. Розановым, Л.А. Тихомировым), выдающимися представителями Русского Зарубежья (П.Б. Струве, И.А. Ильиным и др.). Изучение и творческое восприятие консервативно-самобытных идей русской общественно-политической мысли позволит быстрее преодолеть те ошибочные ориентации, какие были приняты «поправшей» коммунистической элитой под водительством М.С. Горбачёва, Б.Н. Ельцина со товарищи, вернувшихся в европейское либеральное лоно, породившее когда-то коммунизм. Юмористический лозунг литературного героя-острослова «заграница нам поможет» был почему-то взят на вооружение нашими «прорабами перестройки», и мы до сих пор в полной мере не освободились от его ложных чар. Изучение богатейшего наследия отечественной консервативной мысли, в том числе и по остзейско-немецкому вопросу, поможет быстрее изжить это духовное повреждение.

¹ Под руководством профессора исторического факультета Калининградского госуниверситета Геннадия Павловича Жидкова защищена как кандидатская диссертация в 1984 г. в ЛОИИ АН СССР, г. Ленинград.

² Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма / Сост. А.Ф. Смирнов. М., 1982; Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве / Сост. В.И. Сахаров. М., 1982; Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика / Сост. А.С. Курилов. М., 1982; Киреевский И.В. Избранные статьи / Сост. В.А. Котельников. М., 1984; Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки / Сост. Б.Ф. Егоров. М., 1988; Соловьёв В.С. Литературная критика / Сост. Н.И. Цимбаев. М., 1990.

³ Аксаков И.С. И слово правды... Стихи, пьеса, статьи, очерки / Сост. М.А. Чванов. Уфа, 1986

⁴ Лосев А.Ф. Вл. Соловьёв. М., 1983 (Серия «Мыслители прошлого»).

⁵ Григорьев Ап.А. Воспоминания / Изд. Б.Ф. Егоров. Л., 1980 (Серия «Литературные памятники»); Чаадаев П.Я. Статьи и письма / Изд. Б.Н. Тарасов. М., 1986.

⁶ См., например: Игумен Андроник (Трубачев), Флоренский П.В. Павел Александрович Флоренский // Литературная газета. 1988. № 48 (5218). С. 5; Гулыга А. Владимир Сергеевич Соловьёв // Литературная газета. 1989. № 3 (5225). С. 5; Роднянская И. Сергей Николаевич Булгаков // Литературная газета. 1989. № 39 (5261). С. 5.

⁷ Гулыга А. Указ. соч. С. 5.

⁸ Игумен Андроник (Трубачев), Флоренский П.В. Указ. соч. С. 5.

⁹ Роднянская И. Указ. соч. С. 5.

¹⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-и т. Т. 8. М., 1964. С. 130.

¹¹ См., например: Чванов М.А. «Никаким награждениям знаками отличия не подвергался» // Аксаков И.С. И слово правды... Стихи, пьеса, статьи, очерки. С. 11.

¹² Литературная газета. 1990. № 4 (5278). С. 6 (выделено мною – В.Ш.).

¹³ Литературная Россия. 1991. № 11 (1467). С. 14.

¹⁴ Советская Россия. 1989. № 141 (9992). С. 4.

¹⁵ Путь. 1991. № 10 (13). С. 14.

¹⁶ Там же. С. 8-9, 16 (выделено мною – В.Ш.).

¹⁷ Этапными, углубляющими наши представления о корнях революции 1917 г. стали масштабные работы Санкт-Петербургской академической школы, в частности Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, Б.Б. Дубенцова, В.Г. Чернуха, которые наряду с уже почившим В.С. Дякиным уже к 80-м гг. прошлого века значительно продвинулись в изучении кризиса правительственной системы Империи. – См., например, коллективные труды: 1) Кризис самодержавия в России. 1995-1917. Л., 1984; 2) Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

¹⁸ Заметным событием стала публикация двухтомного труда Б.Н. Миронова «Социальная история России периода Империи (XVIII-начало XX в), вышедшего первым изданием в 1999 г. Автор масштабной работы пришел к обоснованному комплексному выводу, гласящему следующее: «Социальная и культурная асимметрия создала огромное напряжение в обществе и способствовала созреванию предпосылок для трех революций 1905 и 1917 гг. Последняя революция не ограничилась разрушением остатков старого режима..., она разрушила также и возводившееся здание нового модернистского общества. Три фактора способствовали тому, что **Октябрьская революция в некоторых отношениях стала антимодернистской**: мировая война; сохранение в среде большей части крестьянства и рабочих социальных институтов, права и менталитета традиционного типа; многонациональность российской империи». – Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1999. С. 296 (выделено автором).

Если прежде можно было, да и то в редком случае, познакомиться только с догадками в этом направлении (какие делал, например, умудренный опытом В.А. Маклаков в Зарубежье), то современный читатель имеет возможность узнать много существенного, выходящего за рамки правдоподобных гипотез и прозрений. Стала обновляться и западная историография России. Р. Сани назвал свой обзор целого ряда работ американских историков, сделанный им в конце 80-х гг. «Реабилитируя Царизм...». Историк подчеркнул, что целый ряд историков на Западе приступили к «частичной реабилитации царизма», что стало менять прежнюю историографическую ситуацию, в которой ударение делалось на тезис о невозможности для царской администрации «провести модернизацию». – Suny, Ronald. Rehabilitating Tsarism: The Imperial Russian State and Its His Historians: A Review Article // Comparative Studies in Society and History. Vol. 31. 1989. № 1, p. 168-169.

¹⁹ В частности, А.А. Блок в статье об Аполлоне Григорьеве (1916 г.) отметил не всеми понимавшийся факт единства отечественной культурной традиции, выдающийся представитель которой, Григорьев, верно понял, что главнейшей русской проблемой стал нравственный «вопрос о нашей самостоятельности», дело которой отстаивали Грибоедов, Пушкин, Тютчев, Фет, Достоевский, Соловьев,

а позднее Розанов. Все они создавали предпосылки «нового русского возрождения», борясь с носителями «мертвых», «интернациональных» побуждений «интеллигентской скудости и темноты». Блок восклицал: «Не странно ли все-таки, что об одном и том же думали русские люди двадцатых, тридцатых, сороковых... девяностых годов и первого десятилетия нашего века?». Григорьев по Блоку – «единственный мост, перекинутый к нам от Грибоедова и Пушкина: шаткий, висящий над страшной пропастью интеллигентского безвременья...». – Блок А.А. О литературе. Изд. 2-е, дополненное. М., 1989. С. 277-280, 285, 297-298, 300-301.

Позволю себе процитировать начало своего неопубликованного доклада, сделанного по теме дореволюционного свободного консерватизма 16 января 1992 г. на заседании сектора Истории России XIX – начала XX вв. ЛОИИ АН СССР (г. Ленинград) в присутствии Б.В. Ананьича, Т.В. Андреевой, В.С. Дякина, Р.Ш. Ганелина, В.Н. Гинёва, Б.Ф. Егорова, В.В. Лапина, М.М. Сафонова, А.Н. Цамутали, В.Г. Чернуха, которым автор настоящей работы признателен за внимание, помощь и советы: «На протяжении длительного времени меня волновало противоречие: узаконенные либерально-революционные симпатии историографии, с одной стороны, и с другой – абсолютное отвержение революционной традиции и в значительной мере либерализма едва ли не всеми нашими первыми писателями-мыслителями: Карамзиным, Пушкиным, Тютчевым, Гоголем, Лесковым, Ап. Григорьевым, Достоевским; вслед за которыми в начале XX в. пошли философы круга «Вех» и В.В. Розанов. Рядом с ними находились литераторы меньшего масштаба и ряд практических деятелей, разделявших консервативные убеждения. Здесь мы видим в прошлом «либералиста», критика и писателя кн. П.А. Вяземского, священника архимандрита Феодора, историка Н.П. Барсукова, военного и политического деятеля Р.А. Фадеева. Консерватизм этого круга отличался от охранительства, выражавшегося адмиралом Шишковым, графом Бенкендорфом, обер-покурором Синода Победоносцевым. Консерваторы в отличие от охранителей были убежденными сторонниками эволюционных преобразований, смело (иногда ценой опалы) обнаруживали болезни Российской Империи, пробиваясь со своими мнениями к самому верху государственного управления. В отличие от охранителей консерваторы умели выявлять не только язвы и патологические явления в революционном лагере, но и в верхах. Консервативный круг русских общественных деятелей был несравненно уже, чем либеральный, и ему всегда было непросто существовать в обстановке непонимания со стороны верхов и враждебного общественного мнения, формировавшегося либеральной интеллигенцией. Примечательные слова генерала Фадеева о правительстве, которое «своих не знает», высказывавшееся в 80-е гг. XIX в., вполне могли быть высказаны и Карамзиным, который временами тяжело переживал из-за неприятия его политических мнений Александром I. Тем не менее, консерваторы не уставали стучаться наверх и по-боевому противостоять либеральной интеллигенции. <...> Вообще, представляется, что изучение данной темы находится в некотором созвучии с тенденциями развития современной нашей и зарубежной историографии России. Сейчас весьма актуально изучение кризиса самодержавия, которым у нас занимается ленинградская школа историков. Может быть,

изучение консервативной мысли сможет дополнить картину. **Ведь кризис, возможно, состоял не только в невозможности для верхов встать на последовательно либеральные позиции, но и в их неспособности к проведению последовательно консервативной (не охранительной) политики?»**

²⁰ Россия под надзором: Отчеты III отделения. 1827-1869. М., 2006. С. 19, 33, 38, 44, 70, 73; Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 194-195, 208, 221, 289-290, 299, 504, 522.

²¹ Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина. С. 498, 504 (курсив Булгарина).

²² Курсивом выделены собственные определения свободных консерваторов, которые были своеобразными вехами или знаками, применяя которые становился очевидным строй их мысли и пафос их устремлений, противостоявших как официальным бюрократическим кругам, так и радикальной разночинной интеллигенции, сделавшей ставку на Революцию. См., например, следующие работы А.С. Пушкина, в которых он сознательно, с самобытных позиций даёт критику космополитизма верхов и идейной подражательности революционным идеологическим схемам радикалов: Пушкин А.С. 1) О народном воспитании // Полн. собр. соч. в 10-и т. Т. 7. М., 1964. С. 43; 2) Александр Радищев // Там же. С. 359

²³ Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и литературе. М., 2009. С. 20, 25, 30, 41, 43, 239 (курсивом выделены собственные выражения Градовского, говорящие сами за себя).

²⁴ Там же. С. 28 (курсив Градовского).

²⁵ Там же. С. 34 (курсив Градовского).

²⁶ Там же. С. 205 (курсив Градовского).

²⁷ Там же. С. 217 (курсив Градовского).

²⁸ Любопытно, что А.Д. Градовский вполне в духе свободного консерватизма указывал на редко обсуждаемый и сегодня феномен ложно-охранительного официального западничества (мы априорно привыкли считать все связанное с дореволюционными верхами – консервативно-патриотическим по определению). Он указывал в 70-е годы XIX в. на эту методологическую ошибку многих правых ещё дореволюционного времени, сводившуюся к отождествлению западничества исключительно с либералами-общественниками. Градовский писал: «Ваши стрелы обращаются главным образом на западников либерального толка, на людей, мысливших по Монтескье и Руссо, <...>. Ну а русские люди, впитавшие в себя де Местра и Бональда, русские пиетисты по немецкому шаблону, русские маркизы по Поляньюку и администраторы по французской выкройке и на прусской подкладке – это какие люди? Когда князь А.Н. Голицын и прочие пиетисты от Библейского общества пришли в соприкосновение с архимандритом Фотием, какими людьми они почувствовали себя? Не был ли, наконец, западником и Магницкий, этот слуга западных реакционных теорий, не имевших никакого смысла в России? // Правда, эти люди не были “лишними” в смысле их соперников; они действовали, брали власть в свои руки, судили и управляли. . . Но что же они сделали прочного, народного, русского? Как чувствовали они себя в этой России, на которую они смотрели со снисходительным

презрением ученого аббата, французского аристократа или немецкого чиновника? Справедливо ли, основательно ли подвергать осмеянию “шаблонный космополитизм либералов” и оставлять в стороне “шаблонный космополитизм реакционеров”, т.е. другую сторону одного и того же явления, другую ветвь одного и того же дерева? // Скажите, наконец, не была ли в значительной мере лишней вся государственная машина России в тот момент, когда мы задались космополитическими целями всевропейской “легитимности”, усмиряли итальянцев в пользу местных князьков, поддерживали реакцию Меттерниха в Германии, заботились о порядке на Пиринейском полуострове, чуть было не проспали греческое восстание...? // **Скорбите о “западничестве”, сколько хотите; это была болезнь, но болезнь общая**, а не одного только кружка и не нескольких единиц». Градовский здесь поднимался до того же нравственного и интеллектуального уровня, на котором находились просвещенные самобытники Тютчев и Достоевский. И следовавшее затем суждение Градовского полностью совпадало с выводами его свободно-консервативных предшественников. Речь идет о прямой связи «правительственного западничества» с интеллигентским нигилизмом 60-70-х гг. и последующими революционными временами; то есть о том, что «верхнее», элитарное, так сказать, непонимание своего народа оборачивалось ростом «низового» радикализма. Градовский писал: «Отцы говорили: “Мой Бог не есть Бог народный или церковный; я составил себе Бога по Гегелю, прихватив немного и Штрауса, или Боссюэ с Массильоном, с прибавкой немецких пиетистов”. Дети отвечали: “Неправда! Ваш Бог не есть Бог, вы себя обманываете и тешитесь призраками. Нам ваш призрак не нужен, **мы договариваем то, чего вы не хотите или боитесь сказать себе – Бога нет**”. // Отцы при помощи Свода законов, дворянской жалованной грамоты и нескольких иностранных сочинений, компилировали себе, для домашнего обихода, разные понятия о государстве и политических отношениях. **Дети разглядели всю искусственность этих понятий и отвергли их вместе с государством, не поставив на их место ничего...**». – Градовский А.Д. Трудные годы (1876-1880): очерки и опыты. М., 2007. С. 420-423 (выделено мною – В.Ш.).

²⁹ См., например, письмо Тютчева к дочери Анне от 20.04.1868 г., в котором Тютчев обвиняет неисправимых, по его мнению, «негодяев», Шувалова и других в русофобии и доктринерском отвержении «принципа русского самодержавия». – Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и писем в 6-и т. Т. 6. М., 2004. С. 322-327.

³⁰ См.: Чернуха В.Г. Внутренняя политика Царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 67-118.

³¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-и т. Т. 27. М., 1984. С. 12 (курсивом выделено мною – В.Ш.).

³² Достоевский Ф.М. Указ соч. С. 22.

³³ Достоевский Ф.М. Указ соч. С. 25.

³⁴ Там же. С. 26 (курсивом выделено мною – В.Ш.).

³⁵ Соотношение консерватизма и либерализма, в том числе применительно к их общей рецепции идеи гражданской свободы изучено представителем русского Зарубежья, участником Белого движения В.В. Леонтовичем, опубликовавшим свой

труд первоначально по-немецки в ФРГ (1957), где он профессорствовал. См.: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995. С. 1-24; 98-135.

А.И. Солженицын, опубликовавший этот труд в России, заметил глубокое постижение Леонтовичем сути либерализма, который не был фатально отделен от консерватизма, зато противостоял радикализму. Писатель заметил: «Особенно поучительно для нас методически проводимое автором различие между либерализмом и радикализмом: слишком долго в русских XIX – XX веках второй нызывал себя первым, и мы принимали его таким – и радикализм торжествовал над либерализмом на погибель русскому развитию. Автор даёт нам ощутить и другие возможные срывы либерализма, выражаясь его языком: к демократическому абсолютизму и империалистической демократии». – Солженицын А.И. К русскому изданию книги В.В. Леонтовича «История либерализма в России» // Леонтович В.В. Указ. соч. С. III.

³⁶ Григорьев Ап.А. Воспоминания / Сост. и комм. Б.Ф. Егоров. М., 1988.

С. 305-306 (курсив Григорьева; выделено мною – В.Ш.).

³⁷ Аксаков И.С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 285.

³⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 81.

³⁹ Градовский А.Д. Национальный вопрос... С. 233.

⁴⁰ Там же. С. 234-235

⁴¹ Там же. С. 238 (курсив Градовского).

⁴² Там же. С. 239 (выделено мною – В.Ш.; курсив Градовского).

⁴³ Известный историк-самобытник и архивист по предложению С.М. Соловьева занимался разбором источников, отложившихся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. Позднее Бартенев – издатель «Русского Архива» – оставил свои воспоминания, в которых этот сюжет описал так: «Я успел списать около сотни писем графа Остермана, толковых и писанных отличным Русским языком. В архиве же хранится его Лютеранская библия, в которой на внутренней стороне переплёта он записал слова Петра Великого: “о том, что мы сблизимся с Европой для того, чтобы потом стать к ней жопой”». - Бартенев П.И. Воспоминания // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. 1. М., 1991. С. 93.

⁴⁴ Цит. по: Градовский А.Д. Национальный вопрос... С. 240 (курсив Градовского).

⁴⁵ Львов Л. Памяти Тютчева // Таинник ночи: Из наследия русской эмиграции (зарубежная Россия и Тютчев). М., 2008. С. 27 (выделено мною – В.Ш.).

⁴⁶ В наши дни это мнение отходит в прошлое. Б.Н. Миронов, например, уже как на нечто само собой разумеющееся указывает на единство интеллектуальной консервативной традиции, объединившей несколько поколений её представителей: «Следует заметить, что идеи Карамзина были впоследствии развиты славянофилами консерваторами второй половины XIX в. и также оказывали влияние на внутреннюю политику верховной власти и формирование её идеологии. В своих построениях идеальной русской государственности, которая должна быть только “истинной монархией”, одни делали упор на православие, другие – на самодержавие, третьи – на народность. Но при всех оттенках их объединяла одна

дух, идеал и подчиняется им, народ отказывается от власти в пользу Бога, а Бог делегирует верховную власть монарху, в силу чего произвол верховной власти в “истинной монархии” принципиально невозможен. Уместно заметить, что русская консервативная мысль от Н.М. Карамзина до Л.А. Тихомирова вовсе не была оторвана от русской жизни, она отражала воззрения народа на власть, архетипы русского сознания, а также и трудности европеизации России. **Консервативный национализм** развился из попыток русской консервативной интеллигенции создать национальные идеалы, которые сплотили бы государство, образованную элиту и народ в единое целое и отразили бы угрозу, которую несли обществу радикализм, нигилизм и социализм». – Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 216 (выделено мною – В.Ш.).

⁴⁷ См., например: 1) Дмитриев С.С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941. № 1. 2) Цимбаев Н.И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986. 3) Дудзинская Е.А. Славянофилы в пореформенной России. М., 1994.

⁴⁸ Так, С.Н. Пушкин пишет о славянофилах, как «консервативных прогрессистах». – Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX в. Нижний Новгород, 1998. С. 94.

Г.И. Мусихин в своём сравнительно-философском исследовании русского и немецкого консерватизма упоминает о славянофилах, разработавших, по его выражению, «многие стержневые идеи охранительной идеологии». – Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002. С. 239.

С.В. Лебедев пришел к выводу, что «славянофильство вместе с охранительством может считаться составной частью русского консерватизма пореформенной эпохи». – Лебедев С.В. Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX в. СПб., 2004. С. 57.

В.В. Шелохаев является сторонником термина «творческий консерватизм», который необходимо рассматривать в увязке с охранительством и традиционализмом. См.: Шелохаев В.В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Консерватизм в России и мире. В 3 ч. / Под. ред. А.Ю. Минакова. Ч. 1. Воронеж, 2004, С. 58-59.

А.В. Репников рассматривает славянофилов составной частью носителей русской идеи «творческого консерватизма», приведя многочисленные свидетельства этого, прежде всего относящиеся к взглядам и деятельности И.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина. Представляется, что вводимый мною термин **свободный консерватизм** является близким термину **творческий консерватизм**, употребляемый вышеназванными историками. См.: Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX вв). М., 2006. С. 8, 145-147.

Доводы по проблеме определения славянофильства как преимущественно консервативного направления см.: 1) Лукоянов И.В. Российские консерваторы (конец XVIII - начало XX вв.). Пособие к лекционному курсу. СПб., 2003. С. 14-17; 2) Лебедев С.В. Указ. соч. С. 54-58.

⁴⁹ Аксаков И.С. Русское самодержавие – не немецкий абсолютизм и не азиатский деспотизм // Аксаков И.С. Отчего так нелегко живется в России. М., 2002. С. 458-463.

⁵⁰ См. следующие «знаковые» произведения виднейших западных и русских критиков западного либерально-цивилизационного «тупика»: Шпенглер О. Годы решений. М., 2006 (работа впервые издана по-немецки в 1933 г.); Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 2004 (книга написана на основе доклада, впервые прочитанного в 1935 г.); Бодрийар Ж. Америка. СПб., 2000 (работа впервые издана по-французски в 1986 г.); Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М.-СПб., 2003 (по-английски работа впервые была опубликована в 2002 г.); Раушенбах Б.В. Пристрастие. М., 1997; Шафаревич И.Р. Две дороги к одному обрыву. М., 2003. Солженицын А.И. На возврате дыхания: Избранная публицистика. М., 2004. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М. 2005;

1. Методология и историография проблемы

Историческая литература в советском прошлом почти избегала «национальной» постановки вопросов, наследуя укоренившиеся в XIX веке методологии (позитивистскую и марксистскую), для которых первенствовали социальные, географические и экономические «факторы» исторического развития, а национально-религиозные (духовные в своей основе) обстоятельства воспринимались как нечто отживающее в процессе поступательного развития «общечеловеческой цивилизации». Приведу примеры. Известный «шестидесятник», публицист «Современника» М.А. Антонович, споря с журналом «Время» братьев Достоевских с 1861 г., отвергал понятия *народности* и *почвы*. Радикальный «демократ» в духе космополитического прогрессизма осудил и выводы русской национальной школы о расколе отечественной культурной элиты. Антонович, верно понимая принципиальное единство славянофилов и почвенников, считая последних «новыми славянофилами», иронизировал по поводу их национального подхода к изучению проблем современной России. Он так передавал мысль своих противников: «Когда реформа Петра разодрала русское общество на две части, тогда верхний слой его... переделал себя на немецкий лад, усвоил себе всё чужестранное, <...>. Это одна народность, немецко-русская. Низший же слой общества, народ, крепко придерживался старого, <...>. Это другая народность, беспримесно-русская»⁵¹. Антонович в духе французского «просветительства» отвергал саму возможность духовно-нравственной проблематики и учитывал только позитивно-материалистические факторы развития общества. Ничего кроме «внешнего быта» народа и «его материального благосостояния» идеолога-демократа не интересовало⁵². В соответствии с таким же прогрессистским подходом, рожденным в XVIII в., позднейший историк П.Н. Милюков настаивал на первенстве «социологической» методологии, растворяя национальное в социальном исходя из «отрицания неподвижных национальных типов»⁵³.

Классовая историческая теория марксизма также отрицала самостоятельность национально-религиозного начала бытия, тут и ссылок никаких не требуется за очевидностью этого констатирования. Автор настоящей работы исходит из другой, *коренной отечественной духовной традиции*, бывшей всегда очевидной для нашей Церкви. В мире светском она начала укореняться во второй половине XVIII в. и окончательно там укрепилась и созрела в первой трети XIX столетия. Мыслители круга А.С. Шишкова и П.А. Катенина, равно и представители круга Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина, бывшие в творческой полемике с ними, но и сотрудничая, сумели вы

работать верный синтетический исследовательский подход. Он, в частности, исходил из признания постоянства и неделимости религиозно-национальной сферы. С тех пор и по наше время эта методология направляла поиски целого ряда мыслителей, ученых и художников слова, в том числе славянофилов, почвенников, мыслителей Серебряного века, позднее – деятелей русского Зарубежья, а в послевоенном СССР – представителей национального возрождения (круга А.И. Солженицына и И.Р. Шафаревича, равно и знаменитых представителей «деревенской прозы», В.А. Солоухина, В.И. Белова, В.Г. Распутина и других писателей).

Известный историк и мыслитель XX в. А.В. Карташов так выразил основы этой методологии. В эмигрантской работе «Судьбы “Святой Руси”» (1928 г.) он писал: «... народы являлись и являются устойчивыми и неразложимыми типами, <...>. Египтянин всегда был египтянином, римлянин – римлянином, еврей – евреем, араб – арабом, армянин – армянином, как и русский – русским, начиная с первых свидетельств о русском характере арабских и византийских историков IX века. Народы столь же четко индивидуальны, как различны их языки, и степень их исторической изменчивости не превышает степени изменчивости языков, всегда остающихся в своем русле и не сливающихся с руслом истории другого языка»⁵⁴. На этой основе Карташов выступал за новое утверждение, как ему представлялось, вечно истинной Христианской государственности с *симфонией* властей, покоящейся на осознанной Юстинианом истине, зафиксированной в его 6-й новелле⁵⁵.

Весьма ценно и плодотворно то, что основы этого истинного подхода восприняты и развиваются отечественным литературоведением и исторической наукой. Известный современный филолог-костромич профессор Ю.В. Лебедев в своём новаторском вузовском учебнике по истории отечественной литературы XIX в., говоря об устойчивой духовной основе поэтики русской литературы, утверждает, что «связь писателя с религиозной святыней своего народа находится на уровне генетическом и проявляется не только в том, что он изображает в произведении, но и в том, как он видит мир». Вывод Лебедева таков: «Судьбы народа не определяются только сиюминутными состояниями его жизни, которые порой повергают в уныние и растерянность. Судьбу народа во многом ведёт и определяет дух языка, на котором он говорит и в котором скрыта энергия многовековой исторической памяти. Именно эта энергия даёт направление народному кораблю в его плавании по капризным волнам моря житейского, спасая... от случающихся уклонений, от подводных камней, от водоворотов и прочих подстерегающих его на неверных зыбях катастроф»⁵⁶.

Известные современные историки также обращают внимание на устойчивость и неотменимость стержневых духовных структур, неизменно определяющих (в положительном или отрицательном смысле) течение отечественной истории. Сотрудник института Российской истории РАН А.В. Назаренко утверждает, что русское национальное сознание является одновременно церковным и царским, это его энтелехия: «Трактовать русское самосознание в терминах и понятиях обычного национального самосознания, <...>, – верный путь к окончательному разгосударствлению России...». Поэтому историк заключает: «Закрывать глаза на царственную (или, если угодно, да – имперскую) субстанцию России <...>, значило бы вступать на путь, на котором у проблемы самоопределения русского национально-государственного сознания может быть только одно “решение” – хирургическая ампутация, упразднение самого предмета, то есть ликвидация России в её исторически обусловленной органике». Отсюда следует вывод ученого о «неотменимости Православного царства как национальной задачи России» в настоящем и будущем. Историк утверждает о неизменности и вековечной действительности «царственного, имперского, а значит, и национально-русского статуса России, который в силу исторического задания России по определению *экклезиоцентричен*». Поэтому сегодняшняя Церковь должна чувствовать, как и прежде, суть «своей царственной, то есть вселенской миссии, которая возложена на неё Богом и историей»⁵⁷.

Известный исследователь и политик Н.А. Нарочницкая, справедливо утверждая о необходимости восстановления «преемственности русской религиозно-философской мысли» с её неизменными духовными и национальными мотивами русской самобытности, отмечает уникальность русского цивилизационного опыта, который вновь должен быть осознан и взят на вооружение. Она пишет следующее, ссылаясь на известную мысль Н.М. Карамзина из «Записки о Древней и Новой России» 1811 г. о первенстве определенного и устойчивого «народного духа» для «нравственного могущества государства»: «Исторически жизнеспособная национальная государственность во все времена должна опираться на воплощенный в праве... органический строй народной жизни»⁵⁸.

Академический историк и одновременно один из главных руководителей Императорского палестинского общества Н.Н. Лисовой в соответствии с этим же основополагающим и вернувшимся в науку стержневым отечественным методологическим подходом выявляет неразрывную «симфоническую» связь двух экклезиологических (то есть духовных в основе), определяющих начал нашего бытия. Он пишет: «В православной

парадигме... Церковь всегда – *Церковь в Империи*⁵⁹. Это действительно неотменимые наши исторические жизненные идеалы и постольку – высшая реальность России. Лисовой в этой связи замечает: «Размышляя о судьбах Русской Православной Церкви в минувшем столетии, нельзя не видеть, что Бог и История вели её в эти десятилетия совершенно особым, трудно поддающимся рациональному пониманию путём, который многие отказывались, да и сегодня отказываются понять и принять, но который привел Православие в России к возрождению. Церковь утверждалась мученической кровью и сокровенным свидетельством, мудростью пастырей и твердой верой простых людей, но таинственным образом, также и невоспринимаемым и оболганным союзом и взаимодействием с Империей, которая в своем, столь же жертвенном и трагически искаженном бытии по-прежнему нуждалась (и нуждается сегодня) в этом союзе и взаимодействии»⁶⁰.

Настоящая работа находится в этом же методологическом русле, что и вышеназванные. Она исходит из той очевидной предпосылки, что русская национально-культурная и государственная идентичность давно определена и является естественным мерилем всех исследовательских проблем, включая остзейскую. Применительно к последней следует отметить её слабую разработанность в отечественной историографии. Правда, в прошлом предпринимались попытки художественного и философского осмысления вопроса. Столкновение и взаимодействие русского и немецкого начал на отечественной почве постоянно волновало первейшие умы России⁶¹. Достоевский, к примеру, писал об устойчивости национально-культурных типов, как русского, так и немецкого. Дело не менялось и для остзейских немцев, которые становились «петербургскими» работниками, торговцами и чиновниками. Летом 1876 г. Достоевский в сюжете «О воинственности немцев» подчеркнул это обстоятельство, имея в виду их отношение к чреде недавних побед германского оружия. Любопытно, что по его наблюдениям никакой качественной разницы между реакцией зарубежных и петербургских немцев не было: победа над Францией, одержанная при содействии русского императора, лично сочувствовавшего Пруссии, привела и тех и других к пренебрежительному и враждебному отношению к... России и русским. В 1871 г. Достоевский, долго живя в Дрездене, и сам был свидетелем бурно вспыхнувшей русофобии немцев. Он писал: «Русских в Дрездене было тогда очень много, и многие из них передавали потом, как всякий лавочник, чуть лишь заговаривал с русским, хотя бы только пришедшим к нему в лавку купить что-нибудь, тотчас же старался вернуть: “вот мы покончили с французами, а теперь примемся и за вас”. Эта злоба против русских вспикела тогда в народе сама собою, несмотря даже на всё то, что говорили

тогда газеты, понимавшие политику России во время войны – политику, без которой им, может быть, и не пришлось бы пожать такие лавры». Хоть, как известно, замечал Достоевский: «немец всегда и везде, ещё с самой Немецкой слободы в Москве, очень-таки не жаловал русского», он удивлялся такой быстро вызревшей неблагодарности немцев к русским. Более всего поразило Достоевского, что это русофобское настроение характеризовало и тогдашнее поведение «петербургских немцев», несмотря на их российское подданство. Достоевский писал: «Я сам читал тогда в наших газетах, что наши петербургские немцы, в Петербурге, затевали тогда целыми пьяными ватагами ссоры и драки где-нибудь на попойке с нашими солдатами, и это именно из “патриотизма”». Кстати, большинство немецких газет [1876 г.] наполнено теперь самыми яростными выходками против России. Указывая на эту ярость немецкой прессы, уверяющей, что русские хотят захватить Восток и славян, чтоб, усилившись, низринуться на европейскую цивилизацию, “Толос” заметил недавно в одной передовой статье... что весь этот яростный хор тем более удивителен, что поднялся он, как нарочно, именно сейчас после дружественных съездов... трёх императоров, и что это, по меньшей мере, странно. Замечание тонкое»⁶².

Вдумчивые зарубежные наблюдатели также обращали внимание на «национальное измерение» внутри российских проблем. Выдающийся философ XX в. Альбер Камю, уделивший значительное внимание изучению генезиса нигилизма в Европе, в качестве важнейшего фактора развития революционных тенденций в России рассматривал «немецкий» фактор. Камю писал: «Первый русский университет, основанный в 1750 г. в Москве, был, по сути, немецким. Постепенная колонизация России немецкими учителями, бюрократами и военными, начатая в царствование Петра Великого, при Николае I превратилась в систематическое онемечивание. В 30-е годы русская интеллигенция благоговела перед Шеллингом и французскими мыслителями, в сороковые – перед Гегелем, а во второй половине столетия – перед его порождением – немецким социализмом. Тогдашняя русская молодежь вдохнула в эти абстракции всю безмерную силу своей страстности, буквально оживила эти мертвые идеи. Религии человека, чьи догматы уже были сформулированы германскими профессорами, ещё не хватало апостолов и мучеников. Эту роль взяли на себя русские христиане, уклонившиеся от своего первоначального призвания, для чего им пришлось отринуть и Бога, и добродетель»⁶³.

Польский исследователь А. де Лазари также стремится показать воздействие немецких влияний на Россию XIX в. Руководствуясь принципами интеллектуальной истории, обоснованно предполагающей в значитель-

ной мере автономное развитие культурной сферы, Лазари указывает на естественность выдвижения на определенном этапе российской истории категории *народности*. Польский историк так пишет о противостоянии русских национально-ориентированных культурных кругов и официальных идеологов и практиков, отождествлявших народность с государственностью: «Русские романтики, отрицая действительность во имя идеалов прошлого или во имя “народности”, отвергали существующее “нерусское” (“немецкое”) бюрократическое российское государство»⁶⁴.

Полагаю, что все вышесказанное оправдывает и постановку темы об «остзейском вопросе», и очерченное методологическое видение способов его рассмотрения и изучения.

Сам термин «остзейский вопрос» давно принят в литературе. О нем, как чем-то общепонятном, говорили деятели XIX в. Они довольно часто связывали остзейскую проблему с общим вопросом русско-германских отношений. Немцы внутри России себя считали именно немцами и поэтому были духовно связаны с Германией. А в Германии после победы России над Наполеоном парадоксальным образом стала расти русофобия, широко проникая в глубь немецкого народа при помощи периодической печати и иных изданий. Начиная с 20-х годов XIX в., неприятие и даже ненависть к России и русским было в тех краях заметным, а временами просто ужасающим явлением. Тут как раз возможны сравнения в коллективной психологии русских и немцев, как представителей двух разных психологических типов. В конечном счете, это различие между двумя народами, известное абсолютно всем, было следствием духовных отличий между православной Россией и протестантско-католической Германией. Так, целый век отделял свидетельства С.И. Тургенева и генерала А.А. Брусилова, сделанные соответственно в 1813 и 1914 гг., но смыкавшиеся в единое смысловое целое. Брусилов ужасался inferнальной ненависти немецкого общества в отношении России и русских, проявлявшейся в Германии повсеместно в преддверии Мировой войны и это хорошо известно из его мемуаров. Это был, конечно, высший «градус» немецкой русофобии, которая затем проявилась и в германском «коллективном бессознательном» 1941 года. Но вот типичный пример из года 1813. Либерал-западник С.И. Тургенев (брат Н.И. и А.И. Тургеневых) весьма далекий от рождавшегося консервативного самобытничества, живший почти исключительно за границей, отмечал тогда странное пренебрежение и неблагодарность немцев по отношению к русским, их освободителям от французского владычества. Тургенев отмечал, что это настроение объединяет немцев, в первую очередь ученых: «они все не хотят и не могут верить», что русские «сами» победили славнейшего

и сильнейшего врага, бросая фразы, вроде «Бог ослепил Наполеона». Говоря о «духе пруссаков», Тургенев писал, что они «все ненавидят французов и Наполеона, но и нас, говорят, не довольно любят и ценят. <...> Русские офицеры прусскими не довольны»⁶⁵.

К середине 60-х гг. XIX в. в обществе крайне обострилась полемика по внутринемецкой проблеме, связанной с борьбой прибалтийских немцев за сохранение своих отживших привилегий. Патриотическая пресса, в частности катковские «Московские ведомости» активно обсуждала этот вопрос с русских национальных позиций. Ф.И. Тютчев всемерно поддерживал данное общественности настроение. При этом он был против насильственного пресечения полемики русских и немецких кругов со стороны правительства, что, к сожалению и происходило, загоняя болезнь гражданского разлада вглубь. Именно эти обстоятельства имел в виду Тютчев, когда писал А.И. Георгиевскому, видному сотруднику «Московских ведомостей», о состоявшемся правительственном решении о втором предупреждении консервативно-патриотической газете за антиостзейский курс. Тютчев возмущался тем, что власть предержавшие открыто между собой называют «русской партией... все это громадное консервативно-национальное большинство русского общества», то есть отмежевывают себя от все «что ни есть здорового и благонамеренного» в России⁶⁶. Несколько раньше Тютчев писал тому же корреспонденту о польском и немецком вопросе, называя второй, «вопрос остзейский» в качестве «смежного и соприкосновенного» с первым, то есть с польским⁶⁷.

Историки рассматривают остзейский вопрос преимущественно в контексте развития русской унитарной имперской государственности⁶⁸. Я.Я. Зутис в 40-е годы XX в. и Г.В. Ибнеева в наши дни, используя это определение, четко зафиксировали рост напряженности в отношениях между имперским центром и остзейскими провинциями. Екатерина II уже в начале своего царствования сознательно отходит от прежнего курса на полную автономию этих прибалтийских регионов, понимая, что остзейские привилегии противоречат интересам России. Об этих настроениях императрицы, с которыми она и направилась в своё летнее путешествие 1764 года по Остзейским провинциям, свидетельствует её секретная инструкция генерал-прокурору кн. А.А. Вяземскому, датируемая февралём того же года. Государыня писала: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия – суть провинции, которые правятся подтвержденными им привилегиями; нарушать оные все вдруг весьма непристойно б было, однакож и называть их чужестранными и обходиться с ними на таком же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью глупостью. Сии провинции... надлежит

легчайшими способами **привести к тому, чтоб они обрусели** и перестали бы глядеть, как волки в лесу...»⁶⁹. Современная исследовательница определяет как существенное и то обстоятельство, что «в самом российском дворянстве зрело скрытое противодействие привилегиям Остзейского края»⁷⁰. И по этой причине императорская власть не могла оставаться равнодушной к остзейской проблеме.

В отличие от вышеназванных историков, чьи труды находятся в русле политической истории, С.В. Оболенская рассматривает общественные и культурные процессы, а именно, складывавшееся в дореволюционной России отношение русских к немцам. Её статья относится к жанру исторической психологии⁷¹. Историк на своём материале почувствовала определенную, если так можно выразиться, закрытость культур двух исторических народов, которая не нарушается даже при неизбежных частных взаимных заимствованиях. Оболенская отмечает: «В развитии культуры любого народа всегда соединяются, то признавая, то отрицая друг друга, две возможности – отграничение “своего” от “другого”, что создает своеобразность, необходимую ограниченность каждой культуры; <...>. Тут налицо соединение взаимодействия и отделения, открытости и замкнутости, смена сближения и отталкивания, взаимопонимания и непонимания»⁷². Впрочем, Оболенской не вполне удалось «подать» свой очень интересный материал в соответствии с этим принципом необходимого онтологического разделения народов и культур (на базе которого только и возможно сотрудничество и уважение друг к другу). Так, исследовательница, несмотря на требования, выдвигаемые её же исследовательским подходом, считает ложными консервативные концепции Ф.М. Достоевского и Н.Я. Данилевского, бывших уверенными в самобытности и больших возможностях русского православно-цивилизационного типа развития. Оболенская даже назвала русскую идею Достоевского недоброкачественной «националистической идеей», поскольку он якобы ставит русских выше немцев. Воззрения Данилевского также отвергаются как имеющие «реакционный политический оттенок», поскольку мыслитель ценил славян и русских больше немцев⁷³. Подобные отвлеченные, проникнутые странным идеологизмом обвинения беспочвенны. Автору как-то невдомёк, что, исходя из такой «политкорректности», ею отвергается вся отечественная свободно-консервативная традиция XIX века, от Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина до К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова. Между тем эта наша поистине стержневая культурная традиция неизменно подчеркивала самобытность русского религиозно, национально-культурного и государственно-монархического типа. То, что они считали его **лучшим** для русских и многих других российских

граждан, не делало этих сторонников гражданской свободы народа националистами и реакционерами, как не делает русских таковыми шутовская их поговорка, гласящая, «что русскому здорово, то немцу смерть». Да и сама Оболенская признает русское милосердие и кротость, говоря, что «анти-немецкие настроения, усилившиеся в обществе с конца 70-х годов, не находили отражения в журналах, предназначенных специально для народа, и в юмористических изданиях, широко распространявшихся среди низших слоёв городского населения»⁷⁴.

Даже в работе В.В. Кожина, сознательно отождествлявшего себя с самобытной частью современного российского общества, встречается непонимание острейшей проблемы. Это, очевидно, является следствием его неверных представлений о типологии отечественного консерватизма. Невозможно сомневаться в добросовестности В.В. Кожина, внесшего большой вклад в постижение дореволюционной отечественной мысли XIX в. Но он не понял, что Ф.И. Тютчев был составной и органической частью круга самобытников-славянофилов. Отсюда проистекало и непонимание им очень своеобразного консерватизма такого деятеля как А.Х. Бенкендорф. Кожин, обратив преимущественное внимание на второстепенные идейные различия, бывшие между Тютчевым и славянофилами, отрицает факт их принципиальной общности по основным мировоззренческим и политическим вопросам. Все-таки за деревьями надо и лес видеть. Известны, например, споры между И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым 40-х годов. Но никому не придет в голову отрицать их принадлежность к одной школе национальной мысли и чувства. Кожин не сумел понять капитальный и основополагающий факт единства отечественной свободно-консервативной традиции, все фазы развития которой были тесно между собой связаны и вытекали одна из другой. Карамзин и Пушкин, Жуковский и Вяземский, Тютчев и Хомяков с Аксаковыми, Шевырев, Погдин, Киреевский и Достоевский и т.д. – эти все имена представляют собой общую картину развития именно единого направления *самобытников*, как и они сами себя часто называли, подчеркивая идейно-нравственную общность, бывшую между ними. Это какое-то поразительное недоразумение, тем более странное, что Кожин понимает органическую связь, соединявшую Тютчева с Пушкиным, а далее и с любомудрами в их общих мировоззренческих основах⁷⁵, не умея почему-то продолжить далее соображение о линии духовно-нравственной и идейной преемственности, простирающейся и на всецелый самобытный круг общественных деятелей во времени и пространстве, распространяющийся до славянофилов, почвенников, «веховцев» и т.д.

В исследовании о Тютчеве Кожинов постоянно стремится противопоставить любомудров и славянофилов. Тютчев у него – исключительно «любомудр» заправки 30-х годов. Но именно среди любомудров тогда рождалось и укоренилось настроение самобытничества, ставшее основой славянофильства, что и не должно приводить к противопоставлению одних и других. Это всё как-то прошло мимо внимания исследователя. Так, он сначала перечислил имена любомудров 30-х гг., где мы видим Погодина и Киреевского, Шевырева и Хомякова, Одоевского и Тютчева, а затем сделал следующий вывод: «Но нельзя забывать, что славянофильство действительно сложилось лишь в 1840-х годах; в тридцатых годах Киреевский ещё издавал журнал под выразительным названием «Европеец», и даже Погодин и Шевырев были достаточно далеки от всесторонней идеализации России и решительного отрицания современного им Запада. В тридцатые годы тот же Шевырев более всего гордился полученным им доброжелательным письмом Гёте»⁷⁶. И Хомяков, и Пушкин, как до них их идейный предшественник Карамзин, и многие другие из их круга считали себя европейцами, несмотря на свой коренной русизм. Хомяков, например, уже в состоянии славянофильской своей зрелости говорил об исторической Европе, «стране святых чудес». Самобытники, в том числе Карамзин и Пушкин, любили Европу, поскольку она была христианской и отвращались от неё из-за современного всё большего и большего отхода Запада от истинной религиозности. Если видеть это главнейшее духовное и религиозное начало, значение которого осознавали уже любомудры, то и не будет никаких сомнений в принципиальном **преемственном** их единстве со славянофилами. Любомудры были той материнской матрицей, на основе которой только и было возможно рождение славянофильства и позднейшего почвенничества. Не случайно в списках любомудров и славянофилов видим одни и те же имена. Странно, что Кожинов подкрепил свой неисторический подход, необоснованно разрывающий единую нашу самобытническую традицию, тем доводом, что журнал Киреевского назывался «Европеец» и уже, мол, только это должно убедить нас в том, что в журнале не было ничего славянофильского. Подобное суждение ошибочно. Журнал был закрыт властями именно за «русское направление» его издателя, о чем ниже и будет говориться в связи с обсуждаемой проблемой.

Кожинов в рамках такого «всеразделительного» подхода к отечественной идейной традиции даже пытается реабилитировать А.Х. Бенкендорфа, чья роль в преследовании самобытников, от Пушкина до Ивана Киреевского как представителей именно *русского воззрения* хорошо известна. Но для Кожинова это не факт, либо он не придает ему решающего значения.

Читаем у Кожина: «Совсем еще недавно было широко распространено мнение, что Бенкендорф... был безнадежно тупым и недалевидным бюрократом. Исследование историка И.В. Оржеховского о Третьем отделении <...> развеивает это штампованное представление»⁷⁷. Доводы таковы: Бенкендорф в ранние годы принадлежал к тайной декабристской организации; в 1821 г., побывав во Франции, восхитился организацией жандармерии и стал её пропагандировать как среди будущих декабристов, так и в верхах; наконец, после её учреждения он «постоянно» стремился привлечь честных и способных людей и даже пошел на контакт с Тютчевым⁷⁸. Но ведь дело заключается не в личной добросовестности Бенкендорфа по отношению к Николаю I, законному государю. Никому и не придет в голову умалять охранительные дарования этого небесталанного сановника из остзейцев. Самобытники критиковали Бенкендорфа и вообще всю «официальную Россию», к которой тот принадлежал, за другое – за полное отсутствие у них чувства принадлежности к русскому народу и за отказ понять, что природное русское самодержавие искажено подражательным курсом Петра Великого и его наследников. Поскольку для Бенкендорфа и его товарищей из сановной «мнимой России» (по П.А. Вяземскому) никакой проблемы в этом смысле не ощущалось, самобытники и упрекали их всех в косности и недалевидности. Свободные консерваторы даже предрекали наступление кризисных времен, если верховная власть и дальше будет душою отпочковываться от осознания российских проблем на любимый ею Запад в рамках своих европейских легитимистских пристрастий.

Странно, что Кожин не придал значения той достаточно ощутимой внутренней склонности к русофобии, которая очевидно была характерна для Бенкендорфа⁷⁹. Известна его роль в притеснениях первого поэта, Пушкина, как и других национальных общественных деятелей, которые стремились к модернизации России с одновременным укреплением традиционной монархической государственности. Так, например, была закрыта «Литературная газета», издававшаяся другом Пушкина А.А. Дельвигом (при горячем участии самого поэта). Известно, что после разноса Дельвигу, учиненного первым жандармом, тот занемог и вскоре скоропостижно скончался⁸⁰.

Значение остзейской проблемы хорошо сознавалось в XIX – начале XX вв. Понимание её важности для исторических судеб России начинает возвращаться. Примером может послужить недавняя работа В.И. Устинова «Гибель Романовых: прусский след». Работа содержит много частных сведений, проливающих свет на то, что русскими современниками описываемых событий воспринималось как «немецкое засилье» у трона русских

государей: сообщаются имена «пруссаков», занимавших высокие придворные посты, цитируются известные военные и общественные деятели, бившие тревогу по этому поводу⁸¹. Тем не менее, нельзя признать удовлетворительными с научной точки зрения способы решения задачи, поставленной перед собой автором. Устинов пришел к выводу, что «главную роль в русской трагедии 1917 года сыграли “русские” пруссаки – окружавшие царский трон придворные, выходцы из Пруссии и Германии. Именно они привели Россию к поражению в Русско-японской и Первой мировой войнах и создали в стране революционную ситуацию с целью ослабления России и отчленения от неё Прибалтики и западных губерний в пользу Германской империи»⁸².

Скорее всего, автор уверовал в эту конспирологическую гипотезу, а затем стал подгонять под неё исторический материал. Работа наполнена изречениями без каких бы то ни было ссылок на источники. Судите сами. Русско-японская война была обречена на поражение со стороны России, поскольку генерал «Куропаткин выработывал... стратегию будущей войны, прислушиваясь к рекомендациям из Берлина». Генералы немецкого происхождения в русской армии на Дальнем Востоке были фактически группой предателей: «Их цель была одна – сковать могучие силы русской армии и флота бездействием и привести их к поражению...»; «Скрытая сторона работы Куропаткина заключалась в поддержке военным министром прусского окружения царя, втягивавшего Россию в бессмысленную и ненужную для неё войну с Японией, в которой ей готовилось поражение»; близкий царю генерал барон Ф. Мейендорф «разделял взгляды прусского окружения царя на необходимость отделения Прибалтики и русской Польши от России...» и т.п.⁸³. Ссылки на источники отсутствуют. Во всех дальнейших трагедиях России также были виноваты «пруссаки». Попутно узнаем новые удивительные «факты», а именно что «царь по-русски писал очень плохо, а царица до последних дней в Царском селе разговаривала с министрами с помощью переводчика»⁸⁴. Правда, как и чаще всего, нет никаких ссылок. Уваров убежден, что русской по происхождению знати рядом с Николаем II вообще не было, и царь был под «контролем» изменников графа Фредерикса, графа Бенкендорфа и проводника немецкого влияния Григория Распутина. В результате к началу Первой мировой войны «пруссские юнкера расставили в ещё свободных от них структурах власти своих сторонников»⁸⁵. И здесь ссылок на источники и каких-нибудь статистических данных нет. В результате всё в России было плохо, в частности, офицерский состав «был принижен и от него нельзя было ожидать жертвенности»⁸⁶. Удивительное открытие!

В тех редких случаях, когда автор позволяет себе сослаться на источники или литературу, обнаруживается, что он черпает настрой

преимущественно в либеральной и большевистской публицистике, которой во имя своих революционных целей необходимо было сделать из Царской России ужасную карикатуру. Так, из «Краткого курса» Истории ВКП(б) автор узнал, что перед войной, как он пишет, «Россия с помощью вредителей и агентов Германии разоружалась»⁸⁷. Затем немцы через свою агентуру, прежде всего в лице генерала Сухомлинова, сумели втянуть Россию в войну и обеспечили себе перевес благодаря содействию таких своих агентов «немецкой партии двора», как имперские военачальники вроде генерала Ренненкампафа⁸⁸. Между тем, если отложить в сторону странный труд Устинова и открыть источники, то выясняется, что иностранные эксперты пришли ещё до начала войны к выводу, что российская экономика имела отличные перспективы. Да и сам начальник Германского генштаба Х. Мольтке в феврале 1914 г. сделал такое заключение: «боевая готовность России со времени русско-японской войны сделала совершенно исключительные успехи и находится ныне на никогда еще не достигавшейся высоте»⁸⁹.

Говоря о терминологии, представляется все-таки преувеличением автора полностью отождествлять русских служилых немцев с «пруссаками». Даже представители отечественного консерватизма, люди весьма просвещенные и информированные, не делали этого, хотя справедливо замечали общность менталитета среди немцев, чьими бы подданными они не являлись. Кроме того известно, что ряд русских военных, политических и общественных деятелей, имевших немецкие корни, стали действительными русскими патриотами и государственниками. Среди последних были генерал-лейтенант, барон П.Н. Врангель, председатель царского правительства С.Ю. Витте, сторонник российского государственного величия и критик радикальной беспочвенной интеллигенции П.Б. Струве.

Работа В.И. Устинова, к большому сожалению, не проясняет действительную проблему остзейского вопроса, сводя всю нашу политическую и военную историю последнего периода жизни Российской Империи к тенденциозному и карикатурному изображению страны, которая была якобы лишена суверенитета. У автора книги «внутренние и внешние немцы» составили удивительный по эффективности заговор, который воплотился в жизнь на протяжении двух десятилетий и, наконец, был доведен до конца. Автор почувствовал наличие острой проблемы «немецкого засилья» в правящих кругах предреволюционной России, но явная тенденциозность и не критичность подхода к своим источникам, среди которых преобладают революционные агитки, не позволила ему создать объективную картину предреволюционного «кризиса верхов» в свете остзейского вопроса.

Между тем, проблема, с точки зрения свободных консерваторов, действительно не ушла в прошлое даже в период «Германской войны». Это отмечал Лев Тихомиров в своём дневнике 1915-1917 гг., опубликованном недавно А.В. Репниковым. Так, 13 августа 1915 г. живший в Москве Тихомиров с горечью отмечал: «На улицах часто какие-то личности ругают не только правительство, а неприлично поносят самого Государя. Всюду толки об измене, выходит, будто чуть не все начальство – изменники. **Огромную опасность составляет масса наших немцев всяких подданств**»⁹⁰. В мае 1915 г. в Москве произошли погромы немецких магазинов. Тихомиров писал, в частности, что прежние «глухие слухи о недовольстве в народе на потачки немцам» вылились в погромы. Сам Тихомиров 28 мая (старого стиля) стал очевидцем антинемецкой народной процессии. Он писал: «... увидели со стороны Красной Площади толпу с национальными флагами. впереди бежали мальчишки, десятка четыре, с громкими криками: “Шапки долой”. <...> Сняли шапки и остановились, как и все на улице. Толпа тысячи двести человек со знаменами и несколькими портретами Государя с криками “ура” прошла мимо нас. Всё это были люди довольно молодые..., прилично одетые, по всем признакам фабричные рабочие, т.е. прилично держащиеся и с интеллигентными лицами». Затем последовала новая менее многочисленная «толпа людей со знаменами». Люди молитвенно пели «Спаси, Господи, люди Твоя». Тихомиров писал, что впоследствии видел «целый ряд разгромленных магазинов на Арбате, Тверской, Кузнецком мосту с переулками, по Лубянской площади и Лубянке»⁹¹. А.В. Репников в своем исследовании по предреволюционному отечественному консерватизму обратил внимание на обеспокоенность Тихомирова и других консерваторов по поводу немецкой проблемы в связи с повальными слухами о германском шпионстве⁹².

* * *

Все сказанное, очевидно, оправдывает изучение остзейского вопроса в свете выявления позиций свободных консерваторов. Представители отечественной свободной консервативной альтернативы «подражательному» курсу Петра I, которого А.С. Пушкин не случайно назвал «протестантом царём»⁹³, пытались на протяжении всего XIX в. вернуть государственный корабль России в «отечественное русло». Поэтому они постоянно следили за всеми «нерусскими» отклонениями внутренней и внешней политики России, в том числе и по остзейскому вопросу. Настоящая работа, не претендуя на полноту, ставит своей целью проследить отношение к этой

проблеме отечественной свободно-консервативной культурной элиты, стоявшей за консолидацию русского общества на церковных, царских и национально-русских началах. Свободные консерваторы, которых исследователи подчас совершенно справедливо именуют «творческими»⁹⁴, в отличие от официальных охранителей признавали Православие, Самодержавие и Народность не номинально, «по привычке», а с пониманием онтологической правды этих принципов традиционной жизни⁹⁵. Именно поэтому консерваторы-самобытники и боролись против официального охранительства, которое в стремлении к механической консервации отжившей бюрократически-абсолютистской системы естественным для себя образом опиралось на служилых остзейцев, не понимавших «русской идеи».

В качестве источников использованы различные работы консерваторов-самобытников, их переписка, воспоминания, свидетельства современников.

⁹¹ Антонович М.А. О почве (Не в агрономическом смысле, а в духе «Времени») // Шестидесятники. М., 1984. С. 41.

⁹² Там же. С. 53.

⁹³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т.1: Земля. Население. Экономика. Сословие. Государство. М., 1993. С.33-34,36,48.

⁹⁴ Карташов А.В. Церковь. История. Россия: статьи и выступления. М., 1996. С. 135.

⁹⁵ Там же. С. 227-228.

⁹⁶ Лебедев Ю.В. История русской литературы XIX века. В 3-х ч. Ч. 1. 1800-1830-е годы: учеб. для студентов вузов. М., 2007. С. 7.

⁹⁷ Назаренко А.В. Русское самосознание между Царством и Церковью // Москва. 2000. № 12. С. 135 (курсив Назаренко – В.Ш.).

⁹⁸ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2004. С. 5, 11.

⁹⁹ Лисовой Н.Н. «Святой Диоклетиан»: Империя и Церковь в римско-константинопольско-московской парадигме // Восточнохристианская цивилизация и восточнославянское общество в современном мире. М., 2001. С. 64-75 (курсив Лисового – В.Ш.).

⁶⁰ Лисовой Н.Н. Патриарх в Империи и Церкви (доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 3 января 2002 г.) // Труды Института российской истории. Вып. 4. М., 2004. С. 62.

⁶¹ См., например: Гончаров И.А. Обломов (любое издание); Достоевский Ф.М. Дневник писателя. СПб., 2001. С. 259-266; Лесков Н.С. Железная воля // Лесков Н.С. Собрание сочинений с 11-и т. Т. 6. С. 5-87; Эрн В.Ф. От Канта к Крупну // Сочинения. М., 1991. С. 308-318.

⁶² Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 262-264 (выделено курсивом мною – В.Ш.).

⁶³ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 234.

Камю обратил внимание на важнейшую проблему, показывая вред химерических сочетаний в духовно-интеллектуальной сфере. Русский менталитет – плод тысячелетнего Православия – временно оторвался у русских революционеров и соединился с «сумрачным германским гением», бывшим плодом протестантских уклонений германизма от духа первоначального Христианства. Жертвенность русских, воспитанная Православием, стала на службу антихристианской революционной идее, философически «оправданной» Кантом, Гегелем и Марксом. Именно эти обстоятельства имел в виду Камю, шедший по путям, проложенным Достоевским, показывая как складывался этос русского большевизма.

⁶⁴ Лазари Анджей де. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М., 2004. С. 59.

⁶⁵ Цит. по: Пугачев В.В. Сергей Иванович Тургенев // Учёные записки Горьковского государственного университета. Серия историко-филологическая. 1963. Вып. 58. С. 266-267.

⁶⁶ Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма в 6-и т. Т. 6. С. 150-151.

⁶⁷ Там же. С. 117.

⁶⁸ См.: Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946; Ибнеева Г.В. Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006.

⁶⁹ Цит. по: Ибнеева Г.В. Указ. соч. С. 15 (выделено мною – В.Ш.).

⁷⁰ Ибнеева Г.В. Указ. соч. С. 42.

⁷¹ Оболенская С.В. Немцы в глазах русских XIX в.: черты общественной психологии // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 102-116.

⁷² Оболенская С.В. Указ. соч. С.103.

⁷³ Там же. С. 111, 115.

⁷⁴ Там же. С. 112.

⁷⁵ См.: Кожин В.В. Пророк в своем отечестве Федор Тютчев. М., 2002. С. 275.

⁷⁶ Там же. С. 66-68.

⁷⁷ Там же. С. 264.

⁷⁸ Там же. С. 264-265.

⁷⁹ В.В. Кожин писал о встрече Тютчева и Бенкендорфа в прибалтийском имении последнего в 1844 г., состоявшейся перед смертью сановника. Тогда во всю обсуждалось антироссийское сочинение француза Кюстина «Россия в 1839 году». Исследователь процитировал следующее высказывание по этому поводу Тютчева, из которого вытекает, что Бенкендорф, по сути, сочувствовал Кюстину! Кожин пишет: «... Бенкендорф, в частности, сообщил Тютчеву (который сам об этом рассказывал потом), что он заявил возмущенному книгой де Кюстина Николаю I: “Господин Кюстин только сформулировал те представления, которые давно имеет о нас свет и даже мы сами”». – Кожин В.В. Указ. соч. С. 268 (выделено мною – В.Ш.).

Прочитированное высказывание Бенкендорфа отлично иллюстрирует мысли самого Тютчева, а затем и Достоевского (а в наше время – А.И. Солженицына) о внутри-российских корнях западной русофобии. Если бы верховная власть России и её подражательный правящий класс не страдали бы западничеством

и непониманием собственного отечества, доходившим иногда до чужебесия, никому на Западе бы и не пришли в голову русофобские мысли. Еще Карамзин показал гибельное значение неуважения к самому себе для государственных судеб России. Историограф говорил, что кто себя не уважает, того и другие уважать не будут и что нужно «знать себе цену». Кюстин и иже с ним, попадая в Россию, сталкивались с повальной франкофонией знати, из которой эти, не владевшие русским языком западные люди, и делали вывод о полной русской никчемности.

⁸⁰ См., например: Н.В. Снытко. Литературные корреспонденты П.А. Вяземского // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1986. С. 307.

⁸¹ Устинов В.И. Гибель Романовых: прусский след. М., 2008. С. 14, 19, 22, 30-32, 34, 36, 45, 76, 88, 91, 98, 105, 110, 120, 122-124, 142, 156-158, 168, 178, 190 249, 268, 300, 290, 316, 328 и др.

⁸² Там же. С. 4.

⁸³ Там же. С. 73-74, 88.

⁸⁴ Там же. С. 229.

⁸⁵ Там же. С. 249-250.

⁸⁶ Там же. С. 296.

⁸⁷ Там же. С. 306.

⁸⁸ Там же. С. 320-321, 323, 329, 340-341.

⁸⁹ Цит. по: Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 226.

⁹⁰ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915-1917 гг. / Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 99 (выделено мною – В.Ш.).

⁹¹ Там же. С. 64-65.

⁹² Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 414-115.

⁹³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-и т. Т. 9. М., 1965. С. 386.

⁹⁴ См., напр.: Панфилов М.М. Ключ разума (Духовный кодекс Ивана Киреевского) // Иван Киреевский: Духовный путь в русской мысли XIX – XXI вв. (К 200-летию со дня рождения): сб. научн. ст. М., 2007. С. 204.

⁹⁵ Л.Н. Тихомиров в 1911 г., уже провидя окончательную гибель Империи, писал: «Россия историческая, то есть православная и монархическая, была расштана и так легко разбита ничтожнейшими силами своих врагов только потому, что у неё появилась гниль в ней самой. В её защитниках, **по привычке признававших Православие и Самодержавие**, заглохло понимание, в чем заключается Православие и Самодержавие, а потому они не могли ни осуществлять жизни по этим, лишь номинально признаваемым принципам, ни защитить их против нападения врагов. Ибо нельзя же защищать что бы то ни было, если мы не понимаем, в чем оно состоит. Без такого понимания мы, при всей ревности, будем защищать, может быть, то, что именно и не заключает в себе Православия и монархизма, а станем насмерть биться за поддержание того, что на самом деле лишь искажало Православие и монархию. Обыкновенно каждый строй именно и гибнет таким образом не от силы врагов, а от непригодности своих защитников». – Цит. по: Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. С. 418 (выделено мною – В.Ш.).